

Смертельное танго

ТАТЬЯНА
КОРСАКОВА

испытание чувств

Татьяна Корсакова

Смертельное танго

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6694782

Татьяна Корсакова. Смертельное танго: Эксмо; Москва; 2014

ISBN 978-5-699-59155-8

Аннотация

Данила был самым красивым парнем, которого Селена когда-либо видела. Сама она на фоне подруг долгое время казалась бледной молю: слишком хрупкая и худая, слишком блеклые, будто выцветшие, волосы – на такую два раза не взглянешь. К тому же девушка страдала лунатизмом. Разве может из нее и Данилы получиться пара?! Селена и не надеялась. Просто следила за ним издали, но вместе с тем никогда не выпускала из виду. И как раз в тот момент, когда девушке показалось, что у нее появилась надежда на счастье, ее жизнь оказалась под угрозой.

Татьяна Корсакова

Смертельное танго

Можно ли быть круглой сиротой и чувствовать себя при этом вполне комфортно? Если бы об этом спросили Данилу, он бы, скорее всего, ответил удовлетворительно. Может, оттого, что родителей своих он никогда не видел, может, ему просто повезло с детским домом, а может, он и в самом деле был счастливчиком.

Данила рос очень красивым ребенком. Его красота была нестандартной, даже немного дикой. Воспитательница Лариса Семеновна говорила, что это от особого смещения крови, а сам Данила искренне недоумевал, из-за какого смещения могло получиться такое безобразие. Кожа смуглая, глаза раскосые, по-кошачьи зеленые, скулы высокие, волосы черные и жесткие, как проволока.

Волосы не нравились Даниле особенно. Он всегда просил, чтобы их стригли как можно короче, потому что возиться с ними – сплошная морока. А парикмахерша возмущалась, говорила, что грех портить такую красоту, и всякий раз оставляла волосы намного длиннее, чем ему хотелось. И приходилось-таки с ними возиться, расчесывать каждый день, точно он не пацан, а какая-нибудь девчонка.

А девчонки, к слову сказать, Даниле завидовали. Ни у одной девочки в детдоме не было таких длинных ресниц, как

у него. Ерунда какая! Что хорошего в длинных ресницах?! А ну как одна такая ресница в глаз попадет? Это же больно! Данила их однажды постриг, чтобы не мешали, а они выросли еще длиннее. Не станешь же теперь постоянно стричь! Да ну их...

В общем, красавчик он был еще тот, сам на себя лишний раз в зеркало смотреть не хотел. Что же это за красота такая девчачья?! Вон у Васьки Прохорова голова квадратная, волосы белые, нос картошкой и половина переднего зуба отбита – вот где настоящая мужская красота! Вот кому нужно завидовать!

Данила и завидовал, особенно белым волосам и щерbine между зубами. Это ж как здорово через такую плевать-ся! Он даже пытался сотворить себе что-нибудь похожее, но по всему выходило, что очень уж это больно. Воспитательница Лариса Семеновна любила повторять, что красота требует жертв, а Данила оказался к жертвам совершенно не готов. И не важно, что говорилось это не ему, а вечно хнычущим девчонкам в процессе заплетания косичек и завязывания бантов. Вот не готов он к жертвам, и все тут...

Зато у него всегда были самые красивые болячки на коленках. Лариса Семеновна, непререкаемый для шестилетнего Данилы авторитет, однажды сказала, что шрамы украшают мужчину. Он не был до конца уверен, что ссадины на коленях – это и есть шрамы, но выглядели они круто. Даже Прохор со своей щербиной ему завидовал. И было чему!

Прохор-то своего зуба лишился по счастливой случайности. Просто Селенка Савицкая, та еще растяпа, распахнула дверь, когда за ней стоял Прохор, – вот тебе и щербина. И нет в этом никакой Прохоровой заслуги, просто повезло человеку. А Данила себя украшал целенаправленно. Голыми коленками по гравийной дорожке проехаться – не у каждого силы воли хватит, а у него хватало, потому что он настоящий мужик, пусть даже и с длинными ресницами. Ресницы, кстати, еще можно попробовать поджечь, может, они тогда медленнее отрастать будут...

Но настоящие проблемы начались лет в тринадцать-четырнадцать, когда в организме забурлили и зафонтировали гормоны. Сначала появились прыщи... Участь эта не миновала почти никого. Особенно страдал Прохор, которого обсыпало так, что страшно смотреть. Даже легендарная щербина не спасала положения. Даниле с кожей, можно сказать, повезло, а вот с голосом дела обстояли хуже: говорить получалось то басом, то фальцетом. Когда басом – это еще ничего, даже солидно, а вот фальцетом...

Странно, но девчонок метаморфозы, происходящие с его голосом, не смущали. Их смущало его лицо. Что-то они такое находили в его лице. Данила уже привык к их взглядам: откровенным, любопытным, смущенным. Даже научился пользоваться теми преимуществами, которые давала ему внешность. Он вообще очень рано научился извлекать пользу из маленьких женских слабостей. Нельзя сказать, что Да-

нила злоупотреблял особенным к себе отношением, но пользовался, чего уж там...

Даже переход во взрослую жизнь не застал Данилу врасплох. Он знал, что в большом мире полно женщин, которые не дадут ему пропасть. Он поступил в строительный техникум и из детдома переселился в студенческую общагу. Вообще-то, должен был переехать в коммуналку, но что-то там не срослось. Сказать по правде, Данила не особо переживал, потому что не видел большой разницы между коммуналкой и общагой. В общаге, наверное, даже лучше, привычнее.

Его новая жизнь практически ничем не отличалась от жизни в детдоме. За исключением одной, но весьма существенной детали. Теперь Даниле приходилось самому заботиться о хлебе насущном. Нет, голодным он никогда не был – в общаге умереть с голоду не дадут, – но, помимо всего прочего, нужно было еще во что-то одеваться, требовались деньги на всякие мелочи вроде зубной пасты, пены для бритья и сигарет... А где их взять бедному студенту?..

* * *

День выдался ненастным, под стать настроению. Данила сидел на скамейке в сквере и наблюдал, как ветер гоняет по аллейке опавшие кленовые листья. Было холодно и сыро. Парень поднял воротник куртки, засунул озябшие руки поглубже в карманы куртки. В животе заурчало, громко и заунывно.

но, едва ли не громче, чем воющий в ветвях старых кленов ветер.

Именно сегодня Данила твердо решил начать наконец жить своими силами. Он еще не знал, как реализовать эту свою решимость, но уже с неотвратимой ясностью понимал, что в жизни нужно что-то менять. Не приспособливаться, а именно менять. Возможно, даже ломать, потому что по-другому уже никак, по-другому можно запросто стать альфонсом, с легкостью перекладывающим бремя собственных проблем на хрупкие женские плечи.

Их и сейчас было много – девушек, искренне желающих ему помочь, поддержать в трудную минуту, но Данила решил ни за что на свете не становиться на эту скользкую дорожку, понял вдруг с неотвратимой ясностью, что он мужик и должен справляться с невзгодами исключительно своими силами.

И вот они, плоды его решимости: уши и руки мерзнут, желудок воет от голода, а сам он, вместо того чтобы завалиться к какой-нибудь сердобольной девчонке и наесться от пуза в тепле и уюте, сидит на пронизывающем ветру и ждет с моря погоды. Данила почти с ненавистью посмотрел на газету, прижатую куском кирпича к скамейке. Во всем виновато это чертово объявление.

«Приглашаем к сотрудничеству молодых людей, не старше двадцати пяти лет, артистичных, с хорошими внешними данными. Достойную оплату гарантируем...»

Вот на эту «достойную оплату» Данила и польстился. Хорошие внешние данные у него имелись, спасибо особому смещению крови. А что касается артистизма, так в детдомовской хореографической студии он всегда был на первых ролях.

Данила собирался с духом почти неделю, а потом все-таки позвонил по указанному в объявлении телефону. Приятный женский голос тут же предложил встретиться, и вот он, как последний дурак, уже сорок минут мерзнет в этом продуваемом всеми ветрами сквере. Даже газетенку рядом с собой положил для надежности, чтобы обладательница приятного голоса, не дай бог, его с кем-нибудь не спутала. Хотя с кем его можно спутать?! В сквере ни единой живой души, все нормальные люди сидят в тепле. Эх, были бы деньги, назначил бы встречу в каком-нибудь уютном кафе. Вести деловые переговоры за чашечкой кофе – оно как-то солиднее и респектабельнее, только вот денег нет... Скорее бы она пришла, эта чертова баба!

– Это ты Данила? – Голос доносился из-за спины, тот самый, приятный женский голос.

Не вынимая озябших рук из карманов, Данила обернулся и едва не присвистнул от неожиданности. Обладательница приятного голоса была не совсем женщиной. Вернее, совсем даже не женщиной...

Добела осветленные волосы до плеч, серьга в ухе, подведенные глаза и губки «бантиком» кокетливо намекали на то,

что принадлежат они даме, но брутального кроя кожаный плащ, кадык и щетина были куда убедительнее. От недоброго предчувствия желудок занял еще сильнее. Что это за чудо пожаловало?!

– Ну, я Данила, – сказал он не слишком приветливо. – А ты что такое?

– Я не «что такое», пупсик. – Чудо заправило за ухо освещенную прядь. – Я «кто такой». Позволь представиться, Эдуард Феоктистов – арт-директор клуба «Основной инстинкт». Если мы с тобой подружимся, а у тебя есть для этого все шансы, сможешь называть меня просто Эд.

– Шел бы ты отсюда, Эд, – буркнул Данила и украдкой осмотрелся в поисках свидетелей его нечаянного позора.

– Как это – шел бы отсюда?! – усмехнулся собеседник и, грациозно перемахнув через спинку скамейки, уселся рядом. Даже слишком рядом...

Данила поморщился и с многозначительной гримасой отодвинулся на максимально возможное расстояние.

Эд понимающе усмехнулся, подобрал со скамейки мертвый кленовый лист, посмотрел на Данилу со смесью интереса и жалости.

– Может, все-таки поговорим о деле, пупсик, а уже потом я пойду?

– Еще раз назовешь меня пупсиком, и я тебе что-нибудь сломаю, – пообещал Данила, разглядывая ободранные носки своих ботинок.

– Ой, какие мы грозные! Я уже трепещу! – На размалеванной роже насмешливо блеснули по-цыгански черные глаза. – Ты меня, пупсик, не пугай. Я, видишь ли, пуганый. Ну, будем разговоры разговаривать?

И было в его враз лишившемся мягких женских ноток голосе что-то такое, что заставило Данилу остаться.

– Ну? – с вызовом спросил он.

– Курточка-то дерматиновая. – Двумя пальцами Эд брезгливо взялся за рукав Даниловой куртки.

– Ты пришел мою одежду обсудить?

– И одежду в том числе. Обрати внимание на мой плащ – мейд ин «не наше». Стоит две тыщи баксов. Хочешь себе такой же?

– Не хочу! – Данила уже собирался встать, когда на плечо легла неожиданно тяжелая ладонь.

– Не кипятись, парень. – У Эда были твердые как камень пальцы, а во всем его облике не осталось и следа от бывлой мягкости. Даже губки «бантиком» вытянулись вдруг в жесткую, совсем не кокетливую линию.

– Убери руку, – процедил Данила.

– Уберу, не волнуйся. – Эд хищно улыбнулся, блеснув идеально ровными, какими-то неестественно белыми зубами. – Я хочу предложить тебе работу, очень хорошо оплачиваемую работу. У тебя прекрасные внешние данные, ты будешь иметь успех.

– Что за работа? – Данила уже десять раз пожалел, что

ввязался в этот разговор, но раз уж ввязался...

– О! – Эд закатил глаза. – Работа просто супер! Когда-то я тоже так начинал...

– Все, я пошел...

– «Основной инстинкт» – это элитный ночной клуб. – А руку этот козел так и не убрал, наоборот, сжал Данилово плечо еще сильнее, почти до боли. – Скажем так, клуб с несколько специфическим уклоном...

– Я уже понял. – Данила решительно стряхнул с плеча цепкие пальцы.

– Понял, да не так. «Основной инстинкт» – это не гей-клуб. – Эд снова усмехнулся. – Это клуб для дам, очень состоятельных дам, которые после утомительных трудовых будней желают расслабиться...

– Пошел к черту!

– Стоп! Ты снова все неправильно понял. Научись слушать, Дан.

– А что тут слушать? – Ветер сделался совсем уж колючим и неприветливым, Данила поежился, встал со скамейки. Все, пора в общагу, пока никто не заметил, с кем он тут...

– Слышал про мужской стриптиз? – неожиданно спросил Эд.

– Это когда мужики раздеваются догола?

– Ну, раздеваться догола совсем не обязательно, я бы даже сказал – нежелательно. Твоя задача – бабу завести, а уж как ты это будешь...

– Это не моя задача! – К щекам прилила кровь, обдала жаром не то стыда, не то злости.

– Хорошо, – кивнул Эд, – скажем так, это не твоя задача, а задача стриптизера. И заметь, спать с клиентками вовсе не обязательно. То есть если хочешь, пожалуйста. Кто ж тебе запретит?

– Мне эта работа не подходит. – Данила уже все для себя решил, разговор его больше не интересовал. Надеялся на нормальную мужскую работу, а тут такое...

– А ты не пори горячку. – Эд мотнул головой, смахивая с высокого лба пергидрольную прядь. – Зарплата от пяти сотен зеленых. И это, прошу заметить, нижняя планка. Верхняя ограничена только твоими принципами, ну и фантазией. – Он тоже встал, сунул в карман Даниловой куртки яркий картонный прямоугольник. – Подумай, Дан, пятьсот баксов... нижняя планка.

– Не о чем тут думать! – Данила едва удержался от того, чтобы порвать визитку в клочья. – Мне не нужна такая работа!

Он шел по продуваемой всеми ветрами аллейке и злился сам на себя. Вот дурак! Захотелось самостоятельной жизни! Пожалуйста, работай проститутком! Данила в сердцах подфутболил пустую пивную банку. Та подпрыгнула, с противным дребезжанием покатилась по дорожке. Конечно, пятьсот баксов – очень хорошие деньги, но он не настолько голоден, чтобы согласиться прислуживать всяким озабоченным

старухам. В конце концов, есть другие способы заработать...

* * *

Прошло три месяца. Данила успел поработать продавцом в «Макдоналдсе», разносчиком пиццы, ночным сторожем в детском саду и пришел к неутешительному для себя выводу: вся эта канитель так же далека от настоящей мужской работы, как и стриптиз. Без квалификации и образования, да еще учась на очном отделении, рассчитывать на что-то стоящее и хорошо оплачиваемое не приходилось. Он уставал не так чтобы очень сильно, но и зарабатывал не так чтобы очень много. Вернее, очень немного. Зарплаты едва-едва хватало на прокорм, а в ботинках отваливаются подошвы, и единственная пара джинсов на ладан дышит, и свитер протерся на локтях, и перчаток Данила так и не купил. А на дворе зима, и морозы совсем нешуточные. Хорошо хоть волосы густые, можно на шапке сэкономить. А вот в дерматиновой куртке, которая на холоде становится колом, ходить просто невозможно. Ну как жить?..

Данила все чаще брал в руки визитку, оставленную Эдом. Яркий кусочек картона – пропуск в другую жизнь. В жизнь, где пятьсот баксов и не деньги вовсе, а так, нижняя планка, где можно позволить себе кожаный плащ за две тысячи долларов. Ну что такого ужасного в том, чтобы раздеться перед парочкой баб?! Ведь не догола же! Да, унинительно, а хо-

дить в рваных носках и протертых до дыр джинсах не унизительно?! А не иметь возможности сводить понравившуюся девушку в кафе или кино не унизительно?! А отираться на общаговской кухне в обеденное время в надежде, что кто-нибудь сердобольный угостит тебя жареной картошкой или домашним салом?..

...Эд его помнил, даже странно.

– Ты Дан, да? Ну что, созрел?

– Созрел.

– Это хорошо, что созрел. Ну, приезжай.

– Куда? Когда?

В трубке помолчали.

– Давай встретимся в том самом сквере, в тот самый час.

Это будет даже романтично.

Плевать было Даниле на романтику. Ему вообще на все было плевать, так его достала жизнь.

– Договорились, – сказал он.

– Мы с тобой, пупсик, еще ни о чем не договорились. –

В трубке послышались короткие гудки, а сердце сжалось от недобрых предчувствий.

Данила добрался до места вовремя, не опоздал ни на секундочку, но Эд его уже ждал, стоял возле той самой скамейки, у которой они встречались в прошлый раз. Вместо брутального плаща за две тысячи баксов на нем была длинная шуба из неведомого зверя, на голове – лохматая шапка, на ногах – унты. Посмешище, а не мужик...

– Привет, пупсик! – Он весело махнул рукой.

– Я не пупсик, – огрызнулся Данила.

– А, ну да! Ты же мне за «пупсика» собирался что-нибудь сломать.

– И сломаю, если не прекратишь.

– Ладно, Дан, не стану я тебя больше пупсиком называть, раз уж тебе это так неприятно. Поехали!

– Куда?

– Знакомиться с новым местом работы.

Эд ездил на «Фольксвагене» ядовитого канареечного цвета. Легкомысленная какая-то машинка, честное слово. Но стоило только громко и совсем не легкомысленно взреветь мощному мотору, Данила понял, что машинка очень даже ничего. Зверь, а не машинка. Это только с виду она как игрушечная. У этого Эда вообще все обманчиво. Сам выглядит как кисейная барышня, а хватка железная. И машинка с виду ерунда, а на самом деле зверь...

В салоне было тепло и уютно. Данила не заметил, как задремал.

– ...Хватит дрыхнуть! Приехали! – послышалось над ухом.

Парень вздрогнул, открыл глаза. «Фольксваген» стоял перед двухэтажным зданием, сияющим огнями, как новогодняя елка.

– Вот это и есть клуб «Основной инстинкт», твоё новое место работы, – с гордостью сказал Эд. – Нравится?

Данила пожал плечами.

– Что? Не нравится?!

– Поживем – увидим.

– А ты, как я погляжу, парень осторожный, осмотрительный. – Эд хитро зыркнул цыганским глазом. – Ладно, выметайся из машины, осмотрительный!

Данила с сожалением выбрался из «Фольксвагена», вслед за Эдом поднялся по невысокой гранитной лестнице, в нерешительности остановился перед сияющей хромом и стеклом дверью.

– Что стал?! – Эд больно ткнул его локтем в бок. – Нечего тут пугалом торчать, клиенток отпугивать.

– Это чем я их отпугиваю? – обиделся Данила.

– Да прикидом своим убогим! Чем же еще? Над твоим гардеробчиком еще предстоит очень серьезно поработать. «Основной инстинкт» – солидное заведение. Нам это реноме нужно поддерживать.

– Что поддерживать?

– Ох, темнота! – Эд страдальчески закатил глаза и втокнул Данилу в уютный, залитый мягким светом холл.

Внутри было почти так же тепло, как в канареечном «Фольксвагене» Эда, вкусно пахло кофе и духами. Данила шмыгнул носом и, поймав на себе насмешливый взгляд охранника, нахмурился.

– Пойдем, не стой столбом! – Эд уже тащил его сначала вверх по мраморной лестнице, а потом по узкому гулкому

коридору мимо закрытых дверей.

Они остановились у предпоследней двери. «Арт-директор» – прочел Данила на золоченой табличке. Пару секунд Эд повозился с замком, а потом отвесил шутовской поклон и сказал:

– Прошу!

Будуар... Не кабинет, а самый настоящий будуар. Округлые линии, карамельные цвета, зеркальный столик перед заваленным подушками диванчиком, фривольные фотографии на стенах. Данила даже покраснел от такого обилия обнаженной натуры, большей частью мужской.

– Присаживайся! – Эд кивнул на диван, сам подошел к рабочему столу, заваленному всякой ерундой. Песочные часы, статуэтка ангела, хрустальная пепельница, какая-то странная железная конструкция с мельтешащими внутри шариками. Полезным и нужным здесь был лишь один предмет – компьютер.

– Нравится? – Эд проследил за взглядом гостя.

Данила молча кивнул.

– Мне тоже нравится. Очень полезная в хозяйстве штука. Вся документация теперь в нем. Опять же, игр много разных забито. Можно расслабиться в свободное от работы время. – Эд сунул шубу в шкаф, шапку небрежно швырнул на диванчик, с нежностью погладил выключенный монитор, задумчиво посмотрел на Данилу, а потом вдруг велел: – Скидывай-ка свое барахло.

– Не понял? – Данила, заподозрив недоброе, попятился.

– Раздевайся, говорю. – Эд плюхнулся в кресло, закурил тонкую папиросу. По будуару поплыл терпкий дымок.

– Зачем это?

– Экстерьер твой буду оценивать.

– А без экстерьера никак? Ты знаешь что... ты не думай, я не по этой части... – Получилось глупо и как-то совсем уж по-детски.

– Ох, грехи мои тяжкие! – вздохнул Эд. – Сплошные го-мофобы кругом! Не стану я покушаться на твою честь, пупсик. Больно надо! Мне другое требуется, я должен рельеф оценить и вообще... может, ты блохастый какой.

– Сам ты блохастый! – обиделся Данила.

– Вот что мне в тебе нравится, так это твоя наглость, – усмехнулся Эд. – Ты чего грубишь своему будущему работодателю? А ну как я обижусь? Раздеваться-то будешь?

Данила еще колебался, а будущий работодатель уже командовал:

– Порты скидывай!

Скрепя сердце и настороженно косясь в сторону Эда, Данила сбросил куртку, расстегнул ремень, стянул свитер. С джинсами расстаться было нелегко, но парень справился.

– Так-так, – разглядывая его с ног до головы, задумчиво сказал Эд. – Ну-ка, задом повернись. Что опять? Не хочешь? Да не бойся ты! Видишь, я со своего места даже не встаю. Так-так! Плечи расправь. Какого хрена сутулишься? А позу

посексуальнее принять можешь?

– Задолбал, – буркнул Данила и принял позу посексуальнее.

– Отпад! – Эд вяло поаплодировал его потугам. – А под музыку?

– Что – под музыку?

– Под музыку так можешь?

– Понятия не имею.

– А мы сейчас посмотрим. – В кипе валяющегося на рабочем столе барахла Эд откопал пульт дистанционного управления, крутнулся вместе с офисным креслом, и из спрятанных под потолком колонок на Данилу обрушилась громкая музыка. – Ну, давай, подвигайся!

– Как?! – Он не хотел двигаться, он хотел бежать из этого чертова будуара со всех ног.

– Ну, бедрами там посексуальнее... задницей. И не сверкай на меня очами! На баб будешь так смотреть, а меня это не заводит. О, кстати, хорошая ж мысль! – Эд достал из кармана мобильный, набрал номер, сказал после небольшой паузы: – Алекс, загляни-ка ко мне.

– Это еще кто такой? – Данила с отчаянием приговоренного к смертной казни покосился на свою сваленную на диване одежду.

– Это независимый эксперт. Да ты расслабься! Прими-ка еще раз ту позу...

Данила, чертыхаясь и матерясь про себя, как раз пытался

принять «ту самую позу», когда дверь бесшумно распахнулась, пропуская в кабинет сногшибательной красоты блондинку.

– Вау! – сказала блондинка восхищенно.

Данила испуганно ойкнул, метнулся к своей одежде, попытался прикрыться свитером, но с неотвратимой ясностью поняв вдруг, как все это глупо выглядит, безнадежно махнул рукой и замер посреди будуара.

– Ну как – нравится? – Эд довольно усмехнулся, прошелся пилкой по длинным ногтям с таким усердием, что у Данилы свело скулы от отвращения.

– Фактурная особь! – Девушка не сводила с Данилы восхищенного взгляда. – Где нашел?

– Где нашел, там уже нет.

– А чего он у тебя такой пугливый?

– Так от неопытности и душевной незамутненности. Вот ты лучше, Алекс, скажи, тебя, как бабу, такой бы завел?

Девушка усмехнулась, уселась на стол перед Эдом.

– Меня, как бабу, он уже завел.

– Вот и я думаю – перспективный экземпляр. Только мышечной массы маловато.

– Ну, это дело поправимое! – Алекс выхватила у него из рук пилку, точно дирижерской палочкой взмахнула ею в воздухе.

Данила скрипнул зубами, схватил свои джинсы. Эти двое говорили о нем так, словно он был и не человеком вовсе, а

каким-нибудь рабом или жеребцом. Надо же было так вляпаться! Он не заметил, как девица подошла вплотную, просто ноздри защекотал сладкий запах незнакомых духов.

– Как тебя зовут, красавчик? – спросила она, обвивая его шею унизанными кольцами руками. Один из перстней больно царапнул кожу, Данила поморщился.

– Слушай, отвали, а? – рыкнул он, пытаясь разжать цепкие пальцы.

– Норовистый! – почему-то обрадовалась девица.

– Ты посмотри, какие у него глаза, – усмехнулся Эд.

– Красотища! – Девица и не думала отставать. Наоборот, прильнула к несчастному Даниле всем своим роскошным телом. – Ну, так как тебя зовут?

– Данилой меня зовут. – Все ж таки ему удалось высвободиться, только вот выглядело это как-то совсем по-детски.

– Данила. – Она мечтательно прикрыла глаза, точно пробуя его имя на вкус. – Красиво, но нам не подходит. Будешь Вервольфом.

– Кем?!

– Вервольф – это по-немецки оборотень. Всегда хотела, чтобы в клубе был кто-нибудь с таким именем. Только оно никому не шло, а тебе идет. Вервольф, – повторила девица. – Кто ты по национальности, Вервольф?

– Русский я.

– Так прямо и русский? А мне кажется, тут без азиатской крови не обошлось. Такие красавчики рождаются толь-

ко от смешанных браков. Ну да неважно. – Девушка призывно улыбнулась Даниле, обернулась к арт-директору. – Эдик, ты ему уже клуб показал?

– Не успел еще.

– Ну и не трудись, сама покажу. Пошли, Вервольф, знакомиться с местом работы.

Они начали с центрального зала: приглушенный свет, круглые столики, помост в центре, две блестящие клетки в человеческий рост по бокам от помоста. Клетки-то зачем?..

– Вот здесь, – Алекс обвела широким жестом зал, – мальчики в основном и работают. Гости – за столиками, мальчики – на помосте. Выход в зал не возбраняется, даже в некоторых случаях приветствуется. Особенно когда публика вялая. Все, что заработаешь на зале, твое. Так что в твоих же интересах работать хорошо. У особо талантливых левые часто в разы превышают зарплату. Вот и считай.

– А зарплата какая? – спросил Данила, испуганно и недоуменно косясь на клетки.

Алекс окинула его долгим, изучающим взглядом, а потом сказала:

– Месяц, как новичок, поработаешь за триста плюс чаевые, а там видно будет. В тебя еще очень много придется вкладывать: стилист, солярий, тренажерный зал...

– Зачем мне все это? – Ну ладно тренажерный зал, ну бог с ним, с солярием, а стилист-то зачем?!

– Как это зачем?! Мальчик, хорошее тело и смазливая

мордашка – это теперь твои орудия производства. И ты в первую очередь должен быть заинтересован в том, чтобы постоянно находиться в тонусе. В противном случае клиентки на тебя не поведутся, они у нас дамы с претензиями.

– Только имей в виду, спать я с ними не буду. – Данила не хотел, но, кажется, снова покраснел. Хорошо хоть, что кожа смуглая, не так заметно.

Алекс звонко рассмеялась, по залу прокатилось эхо.

– А это, Вервольф, твое личное дело. Только не зарекайся. Много тут таких зарекалось, а потом ничего, втянулись. Некоторым даже понравилось. Некоторые даже свою судьбу нашли.

– За меня не волнуйся.

– А я и не волнуюсь. Повторяю, ты сам все решишь. Лично мне важно, чтобы наши гости хотели увидеть Вервольфа снова и снова.

– А кто ты вообще, такая деловая? – Смущение плавно перетекло в раздражение. Ходит тут, понимаешь ли, команды раздает, издевается.

– Я?! – Алекс удивленно выгнула бровь. – Я хозяйка этого клуба.

Это был удар. Данила просто не мог поверить. Какая-то девчонка, немногим старше его самого, и вдруг хозяйка роскошного заведения! Как такое вообще может быть?! Откуда у нее такие деньжищи?!

Только много позже он узнал, что Алекс не девчонка, что

ей уже тридцать, что деньги на клуб ей достались от бывшего мужа в качестве отступных при разводе. Он много чего узнал про Алекс и от Алекс. Можно сказать, она стала его первой учительницей. Благодаря Алекс он научился чувствовать женщин, угадывать их настроение и желания, научился их не бояться. Это позже, а пока Данила позволил себе снисходительный взгляд и недоверчивую ухмылку. Надо же – хозяйка!

– Ладно, – Алекс нетерпеливо махнула рукой, – пойдем, Вервольф, покажу тебе приват-комнаты.

Он не стал спрашивать, что это такое. Он и без того чувствовал себя полным идиотом и деревенщиной. Зачем усугублять?

Они вошли в небольшую комнату без окон. Из мебели в ней был только диван, застланный белым искусственным мехом, и стеклянный журнальный столик. Освещение, как и в центральном зале, было приглушенным. В этом элитном клубе, похоже, предпочитали именно приглушенное освещение.

– Ну вот, – сказала Алекс тоном экскурсовода, – это комната для индивидуальной работы. Да что ты так напрягся, Вервольф? Нет тут ничего ужасного. За дополнительную плату гостя может пригласить понравившегося ей мальчика вот сюда. Ты работаешь, она смотрит. Кстати, в приват-комнатах установлены видеокамеры, так что никакого интима. Впрочем, кому я это говорю?! Ты же у нас сама чистота и

невинность!

Вообще-то Данила не был так уж невинен, как виделось Эду и Алекс, он даже считал себя достаточно опытным в любовных делах, но одно дело быть опытным и совсем другое – вот так запросто об этом рассказывать. По всему выходило, что он и в самом деле парень закомплексованный и темный... Вот так-то, Вервольф!

– Тут все ясно? – спросила тем временем Алекс.

Данила молча кивнул.

– Тогда пойдем познакомлю тебя с мальчиками. Да поторопись, скоро выступление, и им станет не до тебя.

«Мальчикам» в принципе было не до него. В просторной комнате, похожей одновременно на гримерку и спортивную раздевалку, царил хаос. Полуголые, накачанные парни переодевались, переобувались, перебрасывались репликами. Кто-то намазывался какой-то блестящей дрянью, кто-то поудобнее прилаживал микроскопические плавки, а один тип, неожиданно subtilный по сравнению с остальными, кажется, пудрился... Охренеть!

– Мальчики! Мальчики!!! – Алекс несколько раз громко хлопнула в ладоши.

В комнате не сразу, но наступила относительная тишина.

– Это Данила. – Алекс подтолкнула его вперед. – Сценический псевдоним – Вервольф. Теперь он вместо Атланта. Пусть кто-нибудь объяснит ему, что и как. Ну, Вервольф, счастливо оставаться! – Она подмигнула Даниле и вышла из

раздевалки, оставив его один на один с «мальчиками».

На него смотрело десять пар глаз: кто равнодушно, кто доброжелательно, кто пренебрежительно, кто настороженно...

– Вон твой шкафчик, – сказал наконец здоровый детина в меховой набедренной повязке и кивнул на ряд узких, похожих на спортивные, шкафов. – Херувим, где ключ от Атлантова шкафа?

Субтильное существо с пуховкой равнодушно взмахнуло рукой:

– Там где-то.

– Где?! – рявкнул детина.

– Ну, пусть на столе посмотрит, кажется, я его туда бросил. – Херувим подмигнул Даниле и спросил без особого, впрочем, любопытства – Надолго к нам?

Данила пожал плечами, сел на длинную скамью.

– Ты вообще откуда сам? – спросил рыжий патлатый парень, втирая в бицепс остро пахнущую мазь.

– В смысле?

– Ну, ты чем раньше занимался? Вот я, например, брейк-дансом. Херувимчик фигурным катанием. Жеребец, – он махнул рукой в сторону длинноволосого атлета, – плаванием. А Зверь у нас профессиональный бодибилдер.

Здоровенный, наголо бритый мужик, выглядящий самым старым и самым страшным из всей честной компании, поправил блестящие плавки и приветливо улыбнулся Даниле.

– Ну а ты чем отличился? – не унимался рыжий.

– Отстань от него, Тигра, – подал голос детина в набедренной повязке. – Рожей он отличился, не видно, что ли? Держись, Херувим, у тебя теперь появился конкурент.

– Ай, брось, Конан, – отмахнулся пуховкой Херувим. – Ты посмотри на него и посмотри на меня. Ну какой он мне конкурент?! Я интеллигент, кандидат наук, а он деревня неотесанная.

– Знаем мы, каких наук ты кандидат, – усмехнулся Конан, усаживаясь на скамейку рядом с Данилой. – Откуда ты, новенький?

Данила задумался.

– Да я так, сам по себе, – наконец сказал он.

– Удивил! Тут каждый сам по себе. Закон бизнеса! – Рыжий закончил втирать в кожу мазь и теперь придиричиво изучал свое отражение в зеркале. – Конан спрашивает, местный ты или лимита.

Данила пожал плечами:

– Я вообще-то детдомовский, но вроде как с городской пропиской.

– Детдомовец, значит, – протянул Херувим. – А я-то все думаю, чего это ты так убого выглядишь!

– Сейчас ты у меня будешь убого выглядеть! – Данила многозначительно сжал кулаки. Хватит с него унижений на сегодня, и оскорбления спускать он больше не намерен. Особенно каким-то крашеным педикам.

– Остынь, парень. – На плечо легла тяжелая ладонь. – Хочешь жевательной резинки? – Конан протянул ему пластинку «Орбит».

– Не хочу! – огрызнулся Данила.

– Ну, дело хозяйское. – Конан с невозмутимым видом сунул пластинку за щеку. – Мы тут все не из аристократических семей, – он выразительно посмотрел на Херувима. – Так что не тушуйся.

– Ну, ты за всех-то не говори! – Херувим обиженно поджал губы.

Конан соорудил страшную рожу, но ничего не ответил, энергично заработал тяжелыми челюстями.

Похоже, официальная часть знакомства подошла к концу, каждый занялся своим делом, и у Данилы появилась возможность перевести дух. Он уже почти взял себя в руки, когда в раздевалку впорхнула рыжая девица с по-детски наивными хвостиками на голове. Одета она была в ядовито-зеленые брючки и малиновую кофтенку и ловко балансировала на высоченных каблуках. Девица обвела присутствующих неодобрительным взглядом и поморщилась:

– Фу, мальчишки! У вас тут воняет, как в конюшне! Вы бы хоть изредка носки меняли.

– Так это от Жеребца! – заржал Тигра. – Лично мы, кошки, существа чистоплотные.

– Не знаю, какие там кошки существа, а проветрить помещение не помешает. – Девица плюхнулась на скамейку рядом

с Данилой, бросив на него быстрый, полный жгучего любопытства взгляд.

– Новенький? – спросила с плохо скрываемым превосходством.

Тот лишь молча кивнул в ответ.

– Ну, значит, я по твою душу. Я – Рита, хореограф. – Девица протянула руку.

Данила с сомнением посмотрел на узкую ладошку и осторожно пожал самые кончики наманикюренных пальчиков.

– Данила.

– А псевдоним? – Она рассматривала его с нескрываемым удовольствием.

– Вервольф он, – с непонятной завистью в голосе сказал Тигра.

– О, Вервольф – это круто! В нашем зверинце пополнение. – Рита задумчиво посмотрела на носки своих туфель.

– А почему сразу зверинец? – оскорбленно фыркнул Херувим.

– Херувимчик, я ж не про тебя, – миролюбиво усмехнулась она. – Я про Тигров там разных, про Жеребцов.

– Ну, что поделать! – рассмеялся Тигра. – Любит наша Алекс зверушек...

– Ладно, хватит рассиживаться! – Рита вскочила на ноги, покачнулась на высоченных каблуках, и на мгновение Даниле показалось, что она непременно с них свалится. Не свалилась, требовательно хлопнула в ладоши: – Работаем, мальчи-

ки! Кстати, Жеребец, твоя поклонница уже здесь, я ее тачку видела.

Жеребец поморщился, с тоской посмотрел в окно.

– Да ты не кисни. – Девчонка, доходящая Жеребцу до подмышки, успокаивающе и даже как-то покровительственно похлопала его по бицепсу: – Ее и так давненько не было. Мог уже и отдохнуть. И потом, мадам щедрая сверх меры...

– Да ну ее щедрость! – отмахнулся Жеребец. – От нее потом воняет.

– Ну, – Рита пожала худыми плечиками, – это, дорогой мой, издержки производства. От вас, между прочим, тоже не всегда «Армани» пахнет. Особенно после тренировки. Но я же терплю.

– А ты ее к себе в бассейн затащи, – посоветовал Тигра. – Типа случайно, в порыве страсти. Заодно и искупаешь.

– Да ну вас! – отмахнулся Жеребец.

– Все, ребята, труба зовет! – Рита распахнула дверь. – Выметайтесь! А ты, Оборотень, – она подмигнула Даниле, – со мной пойдешь. Посидим с тобой в засаде, понаблюдаем, как работают настоящие профессионалы.

Они сидели в засаде в крошечной комнатке, в которой и одному-то тесно, не то что двоим: Данила – в продавленном кресле, Рита – на подлокотнике.

– Видишь, Оборотень, какой класс?! – шептала она ему на ухо. – Ты только посмотри!

Он и смотрел, во все глаза смотрел. Посмотреть действи-

тельно было на что. Данила даже про неудобное кресло забыл.

На помосте, или сцене, или подиуме – он до конца не решил, что это такое, – под зажигательную латиноамериканскую музыку танцевал Тигра. Просто танцевал, поначалу в его танце не было ничего эротичного, но потом...

Данила, разумеется, не был знатоком, а уж тем более ценителем мужского эротизма, но на чисто интуитивном уровне понимал: то, что вытворяет Тигра, это круто. Попробуй-ка так станцуй! Когда из одежды на тебе только блестящий в свете прожекторов крем, а причинное место всякий раз нужно прикрывать чем-то, похожим на тигриную шкуру. Да еще делать это нужно сексуально и многообещающе и с ритма при этом не сбиваться...

– Класс, да? – не отставала Рита. – Он – моя гордость. Видишь, как я его натаскала! А ведь сначала был чурбан чурбаном. Не танцевал, а ломался. Брейк-данс, видишь ли! Пришлось переучивать. А переучивать намного труднее, чем учить с нуля. Ну, ты дальше смотри. Они у меня все особенные, каждый со своей изюминкой.

Данила просидел в засаде больше часа, не отрывая взгляда от сцены, не обращая внимания на затекшие мышцы и болтовню Риты. «Мальчики» выступали и вместе, и соло. Похоже, у каждого был свой коронный номер. Даже Херувим удивил: из махрового педераста он каким-то чудом трансформировался в такого белокурого мачо, страстного люби-

теля женского пола. Самое интересное – дамочки-то велись! И рукоплескали, и повизгивали, и деньги в плавки Херувиму совали, и по тощей заднице погладить норовили. Дамочки вообще вели себя странно, даже распутно. Куда только смотрят их дружки и мужья?! Зачем отпускают в этот рассадник порока?

Завершал программу Жеребец. Вот уж кто отличился! Он не скакал по сцене, как остальные, а плескался в огромной лохани из прозрачного пластика, заполненной водой и пеной, изредка поворачиваясь к не на шутку разошедшейся публике спиной, поигрывая накачанными ягодицами, обдавая особо неистовых поклонниц, облепивших лохань, брызгами пены. Среди почитательниц его таланта особо выделялась дородная тетка неопределенного возраста. Несмотря на дорогой брючный костюм и бриллианты, выглядела она скорее как базарная торговка, решившая оторваться после наполненного тяготами и руганью дня, а не как бизнес-леди. Расталкивая локтями своих тщедушных соперниц, она провралась к лохани, обвила пухлыми руками мокрую шею Жеребца, что-то страстно зашептала ему на ухо. Что именно, Данила, разумеется, не расслышал, но, судя по мученической гримасе, скользнувшей по лицу несчастного танцора, ничего хорошего тому не светило.

– Вот она – поклонница, – прокомментировала и без того очевидную ситуацию Рита. – Видишь, как она его лапает?

– Вижу, не слепой, – проворчал Данила, которому вдруг

стало обидно за Жеребца. – А кто она вообще такая?

– Королева бензоколонки, – хихикнула Рита. – В смысле, хозяйка сети автозаправок. Эта мадам нашего Жеребца уже больше года обхаживает-оглаживает, по приват-комнатам таскает. Предлагала ему содержание, по слухам, весьма приличное. Отказался. – Рита вздохнула так, словно это ей предлагали весьма приличное содержание, а она, дура такая, отказалась.

– Ну и правильно сделал, – поддержал Данила будущего коллегу по цеху.

– А мне кажется, зря. Больно уж он идейный. У него мать – инвалид, две малолетние сестрички на иждивении, а он из-за каких-то глупых принципов отказывается от дополнительного заработка. Ну что ему стоит ради семьи?! И вообще, может, мадам его так активно помогает именно потому, что он такой неприступный? Может, уступи он один разок, она бы и отстала?

Данила скептически хмыкнул. Отстанет такая, как же!

– А что ты тут хмыкаешь?! – нахмурилась Рита. – Молодой ты еще, чтобы вот так хмыкать. Что ты вообще в жизни понимаешь?!

– Да уж понимаю.

– Так просвети меня, темную! Может, и я пойму.

– Если мужик продается за деньги, это проституция.

– Очень свежая мысль! – Рита побарабанила пальчиками по подлокотнику кресла. – А если женщина?

– Тоже проституция.

– А проституция – это плохо?

– Ну, ясен перец.

– А если твои близкие с голоду пухнут, а ты можешь, но не хочешь им помочь?

– Так уж и пухнут?

– Ну, по-всякому бывает. Кому-то еда нужна, кому-то лекарства дорогостоящие, кому-то за квартиру платить нечем. И вот от тебя зависит их будущее...

– Можно по-другому деньги заработать.

– Это как? – ехидно поинтересовалась Рита.

– Сейчас были бы руки, – сказал Данила не слишком, впрочем, уверенно.

– Тогда объясни мне, Оборотень, почему ты здесь? У тебя же руки на месте.

Вот так: не в бровь, а в глаз. И чем тут крыть, когда у самого рыльце в пушку?! Он же сам предпочел вкалыванию в «Макдоналдсе» работу в стриптиз-клубе.

– Да не расстраивайся ты так, – усмехнулась Рита. – Мы тут все не святые. Это я к тому, что не суди, да не судим будешь. Каждый выживает как умеет.

– Вот и ты не берись судить, – поддел он.

– А я и не сужу. Просто на его месте я поступила бы иначе.

– Ты не на его месте.

– Да, это верно подмечено. – Рита вдруг утратила интерес к разговору, уставилась на свои узкие ладошки.

– Ты чего? – осторожно спросил Данила.

– Не обращай внимания, Оборотень. Что-то меня занесло.

– Бывает, – сказал он, – меня тоже иногда заносит.

– Хочешь сказать, что ты не такой безупречный, каким выглядишь? – Рита хитро сощурилась.

– А разве я выгляжу безупречно? – улыбнулся Данила.

– Скажем так, ты выглядишь потенциально безупречно. С тобой только поработать.

– И кто будет со мной работать?

– На первых порах я, – девушка спрыгнула с подлокотника, по-кошачьи выгнула поясницу, разминая затекшие суставы. – Давай выбираться отсюда, Оборотень. Предлагаю продолжить нашу беседу в более комфортных условиях.

* * *

Они сидели в маленькой, но уютной комнатке, которую Рита не без гордости называла своим кабинетом.

– Хочешь кофе? – спросила она.

Данила пожал плечами. Вообще-то к кофе он был равнодушен. Если, конечно, можно было называть кофе те помои, что продавались в столовке их техникума.

– Ну так как? Или ты, как Херувим, кофе не пьешь, бережешь кожу?

– Я не как Херувим. – Сравнение Данилу расстроило и даже немного обидело. Если для того, чтобы отличаться от

таких вот... с пуховками, нужно пить кофе, он будет пить кофе!

Кофе в Ритином исполнении был просто замечательный. Выходило, что то, что раньше пил Данила, и не кофе вовсе, а так, не пойми что. К кофе прилагался шоколадный батончик, под завязку нашпигованный лесными орехами, и, кажется, самодельное песочное печенье.

– А ты? – спросил Данила, вгрызаясь в шоколадку. – Почему сама не ешь?

– Фигуру блюду.

Данила окинул скептическим взглядом ее по-детски хрупкую фигурку, усмехнулся. Чего там блюсти?! Ее кормить да кормить.

– И тебе толстеть тоже не советую. Алекс очень не любит, когда мальчики теряют форму. Она их почти сразу увольняет.

– Да я как бездонная бочка! – Данила похлопал себя по впалому животу. – Знаешь, сколько в меня может влезть еды?

– Это пока. У тебя организм еще молодой и растущий, а некоторым приходится себя ограничивать. Я закурю, ты не возражаешь?

Данила покосился на тонкую коричневую сигаретку, потянулся за своей пачкой.

– Я тогда тоже.

– Не советую, – пробубнила Рита с зажатой в зубах сига-

ретой. – Курение тоже не поощряется.

– А сама куришь.

– Мне можно. Я обслуживающий персонал, с клиентками не работаю. А тебе, дружок, нужна поджарая фигура, чистая кожа, белые зубы и свежее дыхание. Так что с курением завязывай, пока не втянулся.

– Да я, по ходу, уже втянулся. – Данила растерянно повертел в руке пачку сигарет.

– Это плохо. – Рита сделала глубокую затяжку, отхлебнула кофе.

Ну что же, назвался груздем, полезай в кузов. Он сунул сигареты обратно в карман.

– Умный Оборотень, – одобрила Рита. – Давай теперь о деле. Алекс возлагает на тебя большие надежды. Велела выдать тебе штуку баксов в качестве аванса. Это, конечно, крохи, но на первое время должно хватить.

Данила присвистнул. Для него штука баксов была предельной суммой, а Рита называет такие деньжищи крохами.

– Для начала сменишь гардеробчик. Много вещей не покупай. Впрочем, много и не получится. Джинсы, обувь, свитер. Курточку приличную не мешало бы прикупить, но это уже с настоящей зарплаты. – Рита окинула его задумчивым взглядом, сказала после недолгих колебаний: – В магазин вместе пойдем, а то еще накупишь всякой ерунды.

Даниле стало обидно. За последние пару часов только ленивый не прошелся по его внешнему виду.

– Я сам в состоянии, – буркнул он, доставая из кармана запрещенные сигареты. Да ну их к черту, эти запреты!

– Не обижайся, – примирительно сказала Рита. – Я ничего такого не имела в виду. Просто я знаю парочку вполне приличных магазинчиков с умеренными ценами и хорошим ассортиментом. Я там постоянный клиент, у меня скидки есть.

Данила закурил, посмотрел в окно. На улице уже было совсем темно, а ему еще часа полтора до общаги добираться...

– Оборотень, да не дуйся ты!

– Я не дуюсь, я думаю, как до дома доехать.

– Сегодня у тебя счастливый день, – Рита улыбнулась. – Я тебя подвезу.

– Я далеко живу.

– Да и я не близко. Ничего страшного. Сегодня Димон у бабушки, так что я – свободная женщина.

– А Димон это кто? – спросил Данила.

– Димон – это мой сын. – На ее нескладном веснушчатом личике зажглась улыбка. – Ему уже четыре года, взрослый мужик.

Данила с удивлением посмотрел на эту хрупкую девочку, у которой сын – «взрослый мужик». Сколько же ей лет?

– Что смотришь? – усмехнулась Рита. – Гадаешь, сколько мне годков? Двадцать один. Залетела по малолетству да по глупости.

– Да ничего я не гадаю, – соврал Данила.

– Гадаешь, гадаешь! Все гадают. А ты чем хуже? Ладно,

поехали! Подброшу тебя до дома.

Она так стремительно меняла тему разговора, эта девочка-женщина, что Данила никак не мог подладиться под ее манеру общения. Тут все такие – стремительные и непонятные, каждый со своими тараканами...

Рита ездила на старом разбитом «Опеле», который во время движения дергался как паралитик, чихал и плевался выхлопными газами. Данила даже немного удивился, когда они без приключений добрались до его общаги.

– Ну все, Оборотень! Завтра в половине третьего я за тобой заеду. Будем менять гардеробчик, – сказала Рита и на прощание чмокнула его в щеку. – До встречи!

* * *

Почти всю ночь Данила провел без сна. Впервые в жизни он принял самостоятельное решение и теперь терзался сомнениями. В голове, точно в калейдоскопе, кружились обрывки образов и картинок: Эд в своем будуаре, Алекс посреди пустого зала, Рита, покачивающаяся на высоченных шпильках, залитый светом прожекторов подиум, Тигра на помосте, Жеребец в лохани с водой, его фанатка, ее толстые, унизанные перстнями пальцы на шее стриптизера, потрепанный Риткин «Опель»...

Данила вырубился только под утро. Благо был выходной, и не было нужды идти на занятия. Проснувшись в двена-

дцатом часу, он первым делом пошарил под подушкой, проверяя, на месте ли аванс. Все было в порядке, деньги, хрустящие зеленые бумажки, никуда не делись, и американские президенты ухмылялись ему хитро и доброжелательно, точно старому приятелю. Аванс за работу, к которой он даже не знает, как подступиться...

Рита сказала, что пару месяцев его к клиенткам не выпустят, что за это время ему придется: первое – подкачаться, второе – подзагореть, третье – научиться красиво двигаться и четвертое – подготовить сольный номер. Пункты первый и второй реализовывались за средства клуба. Забота о третьем и четвертом пунктах ложилась на хрупкие Ритины плечи. Выходило, что два месяца бояться ему нечего. Никто не будет на нем виснуть и лапать...

Данила вышел из общаги ровно в половине третьего. «Опель» Риты уже стоял у крыльца.

– Привет, Оборотень! – Она распахнула дверцу, помахала рукой.

– Не ори ты так, – проворчал он, усаживаясь на пассажирское сиденье.

– Стесняешься? – Тонкие брови Риты насмешливо взметнулись вверх. – Боишься засветиться в компании старой тет-ки?

– Ничего я не боюсь. Просто незачем орать.

– Хорошо, не буду орать, – согласилась Рита. – Деньги не забыл?

– Все свое ношу с собой. – Данила выразительно похлопал по нагрудному карману куртки.

Кто ж думал, что поход по магазинам – это такое страшное испытание! На покупку всего нескольких вещей они потратили больше четырех часов! От блеска витрин и разноцветных тряпок у Данилы уже рябило в глазах. Он устал примерять джинсы, пуловеры, фуфайки и футболки. Устал по команде Риты поворачиваться влево-вправо, устал от оценивающих взглядов продавщиц. Итогом его страданий стали вытертые синие джинсы, белоснежный свитер ручной вязки, пара футболок и ботинки с высокой шнуровкой. Ботинки нравились Даниле больше всего. Никогда в жизни у него не было таких классных ботинок. К слову, и стоили они почти столько же, сколько вся остальная одежда, вместе взятая.

– Все, Оборотень, успех тебе гарантирован, – сообщила Рита, с удовольствием рассматривая плоды своих трудов. – Ух, как хорош, стервец! Настоящий оборотень, в смысле – непредсказуемый и загадочный.

– Да не зови ты меня так. – Данила сунул руки в карманы джинсов.

– А что – красивое имя, inferнальное. Вервольф как-то пафосно, а вот Оборотень – то, что надо. Да и принято у нас так. Я уже настоящие имена мальчиков и не помню. Сколько там еще золотого запаса осталось? – спросила без всякого перехода таким тоном, точно тратили они не его, а ее собственный золотой запас.

Данила пересчитал наличность. По его разумению, оставалось достаточно, но ведь и жить еще целый месяц.

– Мало, – соврал он исключительно затем, чтобы остудить Риткин шопоголический запал. – Больше не хватит ни на что.

– Дай-ка посмотрю! – Рита проворно выхватила баксы, пересчитала, беззвучно шевеля губами, а потом радостно сообщила: – Да нормально еще осталось. Поехали!

– Куда? – насторожился Данила.

– Парфюм тебе покупать.

– Не нужен мне никакой парфюм! – Вот уж действительно пустая трата денег, ладно бы куртку какую или перчатки...

– Нужен! – Рита решительно притопнула ногой. – Если ты Вервольф, значит, и пахнуть от тебя должно соответственно.

– Это как же? Псиной, что ли?

– Не псиной, а дорогим парфюмом.

– Насколько дорогим? – Сердце кольнула жадность.

– Достаточно дорогим, но главное – эксклюзивным. Не тем барахлом, которым завалены прилавки, а чем-то совершенно особенным, селективным...

– Каким? – не понял Данила.

– Селективным. Считаю, таким, который в народе не в ходу, которым не пахнет от первого встречного. Особенным.

– Сколько? – спросил он обреченно.

– Думаю, долларов в двести пятьдесят уложимся.

– Двести пятьдесят долларов! – взвыл Данила. – Рита, ты

в своем уме?! Да там всего триста. А жить я, по-твоему, на что буду?

– Это нормальная цена, Оборотень, вполне вменяемая. Если на прокорм не хватит, я тебе одолжу, не проблема. Да ты пойми, глупый, когда ты останешься без одежды, – Рита поймала настороженный взгляд Данилы и успокаивающе улыбнулась, – ну, почти без одежды, аромат станет твоей визитной карточкой. Понимаешь?

– Нет! – Он и в самом деле не понимал, как можно платить такие деньжищи за какой-то там запах. Да за двести пятьдесят долларов на рынке он мог одеться с ног до головы, и еще бы осталось на сигареты.

– Ничего, потом поймешь, еще и благодарить станешь. Ты знаешь, Оборотень, а ведь это идея – с эксклюзивным запахом! У меня даже есть кое-что на примете: кожа, дым, дорогой табак, приключения...

– Кожа – это в каком смысле? – Данила еще сопротивлялся, но они оба уже знали, что победа останется за Ритой.

– Ну как тебе объяснить?! – Рита прикрыла глаза, задумалась. – Вот представь себе новый кожаный ремень, или нет, лучше крутую байкерскую куртку, такую... обветренную, пропитанную дымом костров. Представил?

Данила тоже закрыл глаза, призывая на помощь если не жизненный опыт, то хотя бы воображение.

– Понимаешь, какой это запах? – Голос Риты упал до едва различимого шепота. – Это не запах в чистом виде, это сво-

бода, приключения, драйв!

Свобода и драйв подкупили его окончательно, вдруг захотелось плюнуть на экономию и узнать наконец, как же пахнет настоящая свобода.

– Там не только кожа, Оборотень, – продолжала искушать Рита, – там такая гремучая смесь! Я знаю, о чем говорю, и знаю, как это действует на женщин. Уверена, Алекс понравится.

– А что, Алекс у нас не только клички выбирает, но и парфюм? – Данила мотнул головой, стряхивая наваждение.

– Клички, парфюм, сценические костюмы, цвет загара и сорт зубной пасты, – очень серьезно сказала Рита.

– Да ну?!

– С пастой я, пожалуй, погорячилась, а вот со всем остальным... – Рита улыбнулась. – Мальчики у нее все вот здесь. – Она сжала кулачок, помахала им перед носом у Данилы.

– Прямо железная леди, – сказал он скептически.

– А то! Очень даже железная и очень даже леди. В этом бизнесе без стального характера никак. Хотя у нашей Алекс есть добрая фея-крестная.

– Это кто?

– Это Эдик.

– Станный он какой-то, – хмыкнул Данила.

– Станный в смысле голубой? – уточнила Рита.

– Станный в смысле странный. Сверху – рюшечки-финтифлюшечки, а под всем этим – кремень.

– А ты наблюдательный, Оборотень. Чуешь в человеках суть. Неспроста тебе Алекс это имя дала. У Алекс тоже чутье есть. И у Эда есть.

– А у тебя?

– А у меня так – не чутье, а чутьишко. – Рита беззаботно усмехнулась, потянула Данилу за рукав куртки. – Пойдем, Оборотень, покупать тебе свободу, драйв и приключения. Тут недалеко, в квартале всего.

Он не хотел больше ничего покупать, яркая и призывная картинка уже давно выветрилась из головы, уступив место куда более практичным и разумным мыслям.

– Может, ты сама, если недалеко? – спросил он. – А я тут пока... машину покараулю.

– И понюхать даже не хочешь? – В голосе Риты послышалось разочарование. – А вдруг не понравится?

– Я доверяю твоему вкусу.

– Он доверяет моему вкусу! – сказала она раздраженно и сунула баксы в сумочку. – Ну, смотри, Оборотень, потом чтобы не жаловался, если что...

Данила дождался, когда Рита скроется за поворотом, и только потом нырнул в уже успевший выстыть салон «Опе-ля». Парень потянулся, погладил себя по обтянутым плотной джинсой коленям, забросил ногу за ногу, любуясь рифленой подошвой ботинок. Классные боты, куда как круче какого-то там парфюма! И свитер тоже классный. Интересно, почему у него никогда раньше не было белых вещей? Навер-

ное, потому, что белое красиво, но непрактично, а вся его прошлая жизнь подчинялась исключительно соображениям практичности. Одежда, пусть мрачных расцветок, но зато немаркая. Еда, пусть невкусная, зато питательная. Специальность, пусть непрестижная, зато востребованная... Данила криво усмехнулся своему отражению в зеркальце заднего вида, потеребил ворот снежно-белого свитера. Все, больше никакой серости! Теперь его жизнь никогда не будет двухцветной. Теперь только яркое, пусть даже непрактичное. И кожаный плащ он со временем себе купит, или даже не плащ, а ту самую, пахнущую свободой, дымом и еще чем-то там байкерскую куртку, и дорогую машину...

Когда дверца «Опеля» с грохотом распахнулась, задумавшийся Данила вздрогнул от неожиданности.

– Вот, зацени! – Рита плюхнулась рядом с ним на заднее сиденье, поймала руку, подтянула вверх рукав свитера, обнажая смуглое запястье. – Да не дергайся ты! – сказала строго. – Будем тест-драйв проводить, чтобы понять.

Флакончик был небольшой и незатейливый: прямоугольная форма, черное стекло, черная с позолотой наклейка. До чего же обидно отдавать за такую мелочь большие деньги.

– Сейчас-сейчас, Оборотень, – бормотала Рита, свинчивая с флакончика крышку. – Сейчас ты сам поймешь.

Он не понял. Внюхивался в щедро сбрызнутое парфюмом запястье, морщился от одуряюще резкого, ничего общего со свободой не имеющего запаха, и не понимал, как мог пой-

ти на такую авантюру. Гадость гадостью. Мало того, гадость, которая стоит больше двух сотен баксов...

– Ну как? – спросила Рита, уткнувшись носом в его запястье. – Что скажешь, Оборотень?

Что он скажет? А что сказать, когда она предлагала выбрать вдвоем, а он отказался?! Сам виноват. Что уж теперь...

– Ну, ничего так... наверное. Неожиданно.

– Врешь! – усмехнулась Рита и, оттолкнув его руку, ящеркой юркнула на водительское место. – Сказал бы правду. Это не неожиданно, Оборотень, это резко и не слишком приятно.

Вот тебе номер! Сама же нахваливала ему свободу и драйв, а теперь что получается?

– Подожди, Оборотень. – Рита не дала ему возможности ответить. – Сначала будет ужасно, а потом он раскроется.

– Кто раскроется? – пробормотал Данила, одергивая рукав свитера, чтобы хоть как-то заглушить запах.

– Аромат раскроется. Это же тебе не лосьон после бритья, который зимой и летом одним цветом. Это селектив! Просто подожди, пока он раскроется. Вы подружитесь, я думаю. – Она повернула ключ в замке зажигания, и «Опель» громко чихнул, наполняя салон выхлопными газами.

Они подружатся... Данила втянул ноздрями с детства знакомый и понятный запах машинного масла и старой резины. Ладно, подружатся так подружатся...

«Опель» резво мчался по вечернему городу, и задумавшийся Данила не сразу понял, что Рита везет его вовсе не

к общаге.

– Куда мы едем? – вяло поинтересовался он, вглядываясь в проплывающие за окном желтые огни.

– Хочу показать тебя Алекс. – Рита чуть дернула рыжей головой. – Она просила.

– Что я, обезьяна дрессированная, чтобы меня всем показывать? – Даниле вдруг стало неловко, почти так же неловко, как в кабинете Эда, когда он стоял перед Алекс в одних трусах.

Его никто не слушал. Вместо ответа Рита на максимум врубила радиоприемник, и в салон прокрался сначала томный, с хрипотцой, голос известного диджея, а потом и какой-то новомодный хит.

Алекс произошедшие с Данилой метаморфозы одобрила, ласково потрепала по колкой и сизой из-за отросшей щетины щеке, довольно зажмурилась, сказала с придыханием:

– Вервольф... Чем от тебя пахнет?

– Плохо? – Он едва удержался от того, чтобы не уткнуться носом в помеченное чертовым парфюмом запястье. Теперь, по прошествии времени, он свикся с этим чертовым запахом настолько, что перестал его ощущать. Он перестал, а Алекс вот унюхала...

– Плохо?! Почему плохо? Божественно! – Алекс открыла глаза, посмотрела удивленно. – Это что-то... – она прищелкнула пальцами, подбирая правильные слова, – что-то очень

мужское и хищное. Тебе идет, Вервольф...

Вот и пойми этих женщин! Словно кошки на валерьянку ведутся на какую-то вонючую ерунду. Неужели Рита и в самом деле была права? Он потер все еще горящую от чужих прикосновений кожу, отступил на шаг, от греха подальше. Мало ли как она еще отреагирует.

Алекс поймала его настороженный взгляд, а может, даже прочла мысли, потому что усмехнулась с чувством легкого превосходства и все же лишь самую малость растерянно, сказала после недолгой паузы:

– Все, детство закончилось, Вервольф! Объявляю тебя настоящим мужиком!

Это прозвучало так серьезно и так многозначительно, что Данила так и не понял, как правильно отреагировать, растерялся, проявил несвойственную настоящему мужику слабость, а уже дома, стаскивая с себя свитер, вдруг почувствовал запах... Новенькая, еще скрипучая кожа, дым осенних костров, сдержанный янтарь коньяка, ветер в лицо, свобода, драйв и приключения – все, как и обещала Рита. Вот, значит, каково это, вот, значит, на что они реагируют...

* * *

– ...Все, не могу я больше! – Данила со стариковским кряхтением сполз с тренажера, потянулся за бутылкой минералки.

– Еще два подхода, – твердо сказал Зверь, взявший над ним негласное шефство в тренажерном зале.

– У меня еще сегодня с Ритой занятия. – Краем майки Данила вытер мокрое от пота лицо. – Может, хватит, а?

– А у меня сегодня выступление. – Зверь смотрел на него без всякой жалости. – Еще два подхода, и можешь быть свободен.

– У-у-у, Зверь, – простонал Данила, потирая гудящие мышцы.

– Цыц, волчонок, – беззлобно проворчал тот. – Тебе кто-то говорил, что будет легко?

– Ну, вообще-то я сам так думал.

– Забудь. Это только со стороны все кажется простым и красивым.

Это Данила и сам давно понял. Прошло уже больше месяца с тех пор, как он впервые переступил порог «Основного инстинкта». За это время в его жизни много чего произошло. Теперь парень вел двойную жизнь. Первая половина дня – учеба в техникуме, вторая – изматывающие тренировки и занятия по хореографии. Данила ложился спать в третьем часу ночи, просыпался в половине восьмого, и все начиналось сначала: учеба, тренировки, занятия с Ритой, иногда солярий, иногда стилист, однажды даже психолог.

Что от него хотела строгая тетенька в уродливых очках, Данила так и не понял. Просто отвечал на ее глупые вопросы, и все. Тетенька, кажется, осталась довольна, даже улыб-

нулась ему целых два раза. Уже позже Тигра рассказал по большому секрету, что это была не просто бесполезная беседа, а тест на профпригодность. И коль уж тетенька-психолог улыбнулась Даниле аж два раза, значит, он просто супер, ибо самому Тигре она улыбнулась всего однажды, и это тоже было очень даже хорошо, это значит, что он настоящий мачо.

Данила Тигре не поверил. Какой из него мачо?! Вот и Рита постоянно чем-то недовольна. Что бы он ни сделал, все не так. Двигается он как автомат, и бедрами вихляет, как дешевая проститутка, и морда у него при этом как у человека, идущего на казнь, никакой страстности, никакой чувственности, никакого полета души...

Каждый вечер Данила наблюдал за выступлениями ребят – учился чувственности... Учился и понимал – у него так никогда не получится. В одетом виде он еще мог изобразить что-нибудь этакое, но как только в интересах дела требовалось снять штаны – все! Какая там чувственность?! Какой эротизм?! Рита закатывала глаза и хваталась за голову.

– Оборотень! Что это за телодвижения?! Ты что, герой порнофильма?! Изящнее, артистичнее! Ну что ты ресницами хлопаешь?! Клиентки твоих ресниц со сцены не увидят.

Неизвестно, как долго продолжались бы его мучения, если бы не Эд, забредший однажды на репетицию. Минут пятнадцать он просто стоял, привалившись плечом к стене и скрестив на груди ухоженные руки, а потом сказал:

– Ритуля, а ты не то делаешь. О какой чувственности ты

говоришь? Да ты посмотри на него. – Он небрежно кивнул на запыхавшегося от эротических потуг Данилу. – Он же Оборотень! Его сила не в чувственности, а в агрессии. Он не обязан никому нравиться. Он должен позволять себя любить. Чувствуешь разницу?

Рита скептически хмыкнула. Данила промолчал, решил не вступать в споры титанов.

– Да ему и раздеваться не обязательно. Достаточно вот так, исподлобья посмотреть – и все! Клиентки будут умолять его снять хотя бы галстук.

– Какой еще галстук?! – удивилась Рита. – Ему волчья шкура полагается.

– Фу, шкура! – поморщился Эд. – Во-первых, волчья шкура для Вервольфа – это пошло и банально, а во-вторых, шкура уже есть у Тигры.

– И что ты предлагаешь? – В голосе Риты послышалась растерянность.

– Если ты об имидже, то предлагаю строгий черный костюм, белую крахмальную сорочку, галстук. Он же у нас городской Оборотень, цивилизованный и в некотором роде лощеный.

– А шляпа?

– Шляпа – это лишнее. Со шляпой получится не Оборотень, а гангстер. Ну а ты что молчишь? – Эд посмотрел на Данилу.

– Костюм определенно лучше, чем шкура, – проворчал

тот.

– Вот и я о том же. Ты, кстати, у стилиста уже был?

Данила молча кивнул, вспоминая адовы муки, которые ему довелось пережить в кресле этого чертова стилиста.

– Значит, так, волосы больше не стриги, пусть отрастают. С длинными волосами оно как-то импозантнее.

– Как? – переспросил Данила.

– Ох, не хватает хлопцу образования! – Эд неодобрительно покачал головой. – Не бойся, Оборотень, импозантный значит стильный, элегантный, загадочный. Так что отращивай хаер.

– Кто с Алекс будет согласовывать изменения в программе? – раздраженно поинтересовалась Рита.

– Согласую, не переживай, – отмахнулся Эд и, сделавшись вдруг совершенно серьезным, сказал: – А теперь, Ритуля, оставь-ка нас одних.

Рита обиженно фыркнула, забрала с подоконника сигареты, вышла в коридор, задев Данилу плечом.

– Да не парься ты, Оборотень! – усмехнулся Эд. – Я тебя не съем, просто покажу, как нужно двигаться. Смотри и учись...

Это нельзя было назвать танцем. Это было Действо. Данила смотрел во все глаза, точно загипнотизированный. Он пришел в себя, только лишь когда галстук Эда пестрой змеей обвил его шею, а в уши вполз ставший вдруг незнакомым голос:

– Вот примерно так, Оборотень...

Он все еще стоял, превратившись от увиденного в соляной столб, а Эд, ничуть не запыхавшийся, подобрал с пола сброшенную рубашку и сдернул со взмокшей Даниловой шеи свой галстук.

– Теперь ты понимаешь, в каком направлении нужно двигаться?

Данила молча кивнул.

– Тогда давай сам. – Эд уселся на стул, привычным жестом скрестил руки на груди.

...У него получилось! Не сразу, не хватало техники и опыта, но суть он уловил. Одобрительный кивок Эда стал для него лучшей похвалой.

– Молодец, Оборотень! Супер! – Он и не заметил, когда вернулась Рита. – Эд, как тебе удалось?

– Вот такой я экстраординарный человек. – Арт-директор снисходительно улыбнулся, взмахнул рукой и вышел из комнаты.

– Ну что, Оборотень, лед тронулся! А я тебя уже чуть было не списала. – Рита озорно улыбнулась, потрепала Данилу по щеке. – Пусть Алекс еще посмотрит, но скоро, думаю, можно выпускать тебя на большую сцену.

– Когда? – Сердце испуганно ухнуло куда-то вниз живота.

– А хоть и в следующую субботу.

– Так быстро?!

– А чего тянуть? Ты уже достаточно подготовлен. Оста-

лось отшлифовать кое-какие моменты, и все — новая звезда мужского стриптиза готова!

* * *

Вот он и настал — час «Х»...

Сказать, что Данила нервничал, значит не сказать ничего. Да он буквально умирал от страха!

— Не волнуйся, Оборотень, — успокаивала Рита, поправляя ему галстук. — Все будет замечательно. Ты, главное, следи за ритмом.

— Плевать на ритм! — вмешался Эд. — Оборотень, доверься своим инстинктам и держи зал.

Легко сказать — держи зал. А как это сделать, когда от страха подгибаются колени, а голова предательски кружится? И даже парфюм, тот самый, с которым он уже почти сроднился, больше не помогает.

— Дрейфишь, Оборотень? — В уши вполз ехидный голос Херувима.

— Отвали! — рыкнул Данила.

— Ой-ой! Какие мы страшные! — В притворном ужасе Херувим закатил глаза.

— Отстань от него. — Конан ободряюще похлопал Данилу по плечу. — Ничего, парень, мы все через это проходили.

— Все, Оборотень! Ни пуха ни пера! — торжественно и немного испуганно сказала Рита и подтолкнула его в направ-

лении сцены.

Он смутно помнил, как это начиналось. Помнил раздражающий яркий свет, помнил ухающий гул в ушах, помнил тяжелый запах незнакомых духов и табака. А остальное...

«Выбери в зале одну женщину и работай для нее», – учил Эд.

Данила выбрал.

Алекс сидела за столиком прямо у сцены. В шикарном вечернем платье она больше не казалась девочкой-подростком. Она выглядела как роскошная зрелая женщина, знающая цену своей красоте. Надменный прищур, внимательный взгляд, снисходительная улыбка, словно она не на его стороне, словно она одна из этих... клиенток. Волнение и нерешительность вдруг отступили, пропуская на передовую злость, дремавшую все это время и вдруг поднявшую голову звериную суть.

Он двигался так, как учил его Эд. Он слушал свой собственный ритм и не слушал музыку. Он сразу начал с зала. Начал с Алекс...

Она не ожидала. Когда он рывком сдернул ее со стула, она растерялась, оступилась, покачнулась на высоченных каблуках и наверняка упала бы, если бы он позволил ей упасть. Но он не позволил. Для танца Оборотною нужна партнерша. Этим вечером он сделал свой выбор...

Алекс была легкой, почти невесомой. И она прекрасно

чувствовала его внутренний ритм.

– Я убью тебя, Оборотень, – шептала она, срывая с него галстук.

– Уволю, – стонала она, расстегивая пуговицы на его рубашке.

– Уничтожу, – рычала она, обжигая его шею жарким дыханием...

Все оказалось так просто. Эд был прав...

Данила оттолкнул Алекс, разгоряченную, возбужденную, потерявшуюся в его объятиях, в тот самый момент, когда ее пальцы тянулись к ремню его брюк. С приглушенным стоном она упала обратно в кресло, и все присутствующие в зале женщины вздохнули с ней в унисон. Это был вздох неудовлетворенности и обманутых надежд...

Вот так-то, милые дамы! Вы платите деньги, но главные тут не вы...

– Оборотень! Ты с ума сошел! – после представления набросилась на него Рита. – Что это за самодеятельность?!

Данила равнодушно пожал плечами, отмахнувшись от ее возмущенных воплей, побрел в раздевалку. От навалившейся вдруг слабости ноги дрожали, словно после тяжелой работы.

– Эй, я с кем разговариваю? – Рита не собиралась отставать. – Алекс тебе голову открутит. И мне заодно.

– А что, все так плохо? – Данила остановился, привалился влажной спиной к стене.

– Вообще-то круто. Неплохая импровизация, но, Оборотень, скажи, чем ты думал, когда вовлекал в свои игры Алекс?! Тебе что, других баб мало?!

– Алекс у нас персона неприкосновенная?

– Алекс хозяйка этого клуба, если ты забыл!

– И что?

– А то, что с ней так нельзя.

– Как – так?

– Ну, ты же ее... – Рита осеклась.

– Что? – вкрадчиво поинтересовался Данила.

– Ты ее завел и остановился на полпути!

– А нужно было не останавливаться, довести все до конца?

– Нет, ну ты нахал! – задыхнулась Рита. – И брюки ты, между прочим, так и не снял. Что это за стриптиз такой, в брюках?!

– А где Эд? – Ему надоело препираться с Ритой. Захотелось услышать авторитетное и, самое главное, непредвзятое мнение.

– Не знаю, – обиженно буркнула она. – Ушел куда-то.

– Он видел?

– Видел.

– И что сказал?

– Ничего не сказал! Ушел, и все!

– ...Не парься, Оборотень, для первого раза очень даже неплохо. – В запале спора они не заметили, как в коридоре появился Эд.

– Неплохо? – нарочито равнодушно спросил Данила. В том, что мнение Эда для него что-то значит, не хотелось признаваться даже самому себе.

– Более чем неплохо, Оборотень. Более чем. – Арт-директор плотоядно улыбнулся. – Ты примерный ученик – ухватил самую суть. Думаю, на этом поприще тебя ждет большое будущее, если...

– Если что?

– Если после сегодняшней выходки Алекс тебя не уволит. Эд не успел договорить, как зазвонил его мобильный. Они с Ритой многозначительно переглянулись.

– Легка на помине, – усмехнулся Эд, поднося телефон к уху.

С минуту он молча слушал, а потом весело посмотрел на Данилу:

– Иди, Оборотень.

– Куда?

– Вымаливать прощение.

...Он ожидал, что Алекс будет рассержена, он даже приготовил покаянную речь, но она была не просто рассержена, она пребывала в ярости. Пунцовые пятна гнева на щеках не скрывал даже тщательно наложенный макияж. Когда Данила вошел, хозяйка клуба не сидела за столом, как положено боссу, а разъяренной фурией металась по кабинету.

– Привет, – сказал он, в нерешительности застывая у двери.

– Уже виделись! – Голос Алекс был громкий, с непривычными истеричными нотками. – Что ты себе позволяешь?! Щенок! Мальчишка! Я тебе не какая-нибудь... Я твой босс! Или ты еще не понял, кто платит тебе деньги?!

– Ты меня увольняешь? – Вот и конец его карьере стриптизера. Кому нужны такие... неуправляемые?

– Что?! – Алекс перестала метаться, подошла вплотную. Пятна на ее щеках сделались еще заметнее.

– Теперь ты меня уволишь? – повторил Данила.

Очень долго, наверное, целую вечность, она гипнотизировала его яростным, немигающим взглядом, а потом сказала уже спокойнее:

– Расцарапать бы тебе рожу, Оборотень, да жалко портить товар.

– Значит, не увольняешь. – Он удовлетворенно кивнул.

– А ты забываешься...

– Извини.

– Раньше нужно было извиняться.

– А теперь?

– А теперь... – Ногтем указательного пальца Алекс процертила линию у него на щеке. – А теперь, Оборотень, заканчивай то, что начал...

Он считал себя разумным и рассудительным, он никогда не шел на поводу у женщин, но сейчас под насмешливо-требовательным взглядом Алекс с ним что-то такое случилось, что-то неправильное, обрушивающее мироздание, превра-

щающее заурядного детдомовского мальчишку в ненасытного зверя. Может быть, она и в самом деле была права, когда назвала его Оборотнем. Особое чутье...

– ...Алекс, то, что произошло... – Данила застегивал рубашку и старательно не смотрел в сторону кожаного дивана, на котором, забросив руки за голову, лежала обнаженная Алекс. Из одежды на ней были только чулки, да и те порванные. Что же это на него нашло?..

– То, что случилось, ровным счетом ничего не значит. – Хозяйка клуба усмехнулась, потянулась, точно сытая кошка.

– То есть ничего как бы и не было? – Все-таки он на нее посмотрел: сначала на задумчивое лицо, потом на порванные чулки.

– Да, ничего как бы и не было. – Алекс улыбнулась. Это была улыбка победительницы, женщины, сделавшей сознательный выбор и нисколько о нем не сожалеющей. А он-то, дурак, считал победителем себя...

– А теперь я уволен?

– Уволен?! С чего бы? – Она перекатилась на бок, приподнялась на локте, сказала теперь уже совсем другим, деловым тоном: – Ты не уволен, Оборотень. Ты оштрафован на сотню баксов за непозволительное поведение.

– А когда я вел себя непозволительно, тогда или сейчас? – Наверное, Данила мог мы обойтись и без сарказма, если бы не был так уязвлен ее многоопытностью и таким очевидным

равнодушием.

– Ты нарушил субординацию. – Алекс встала, совершенно не смущаясь своей наготы, прошла по кабинету, уселась на рабочий стол, задумчиво поболтала в воздухе ногами. – Я босс достаточно либеральный, но у всего должны быть свои пределы.

Легкомысленный и в некотором смысле неприличный вид никак не вязался со стальными нотками в голосе Алекс. Голосу Данила доверял больше.

– А кто устанавливает эти пределы? – спросил он осторожно.

– Конечно, я. – Алекс достала из портсигара тонкую сигаретку, закурила. – В этом клубе я царь и бог. А ты что подумал, Оборотень?

– Примерно так я и подумал.

– Вот и молодец. Теперь, когда ты знаешь все о субординации, можешь быть свободен. Хотя нет, постой! – Она взмахнула рукой, отгоняя от лица сизое дымное облачко, а потом сказала совсем уж неожиданное: – Оборотень, ты был великолепен. И не спеши ухмыляться, я не о том, что случилось здесь. – Алекс небрежно кивнула в сторону дивана. – Потенциал у тебя неплохой, но над техникой еще работать и работать. Я о том, как ты завел публику. Клиентки в восторге, на тебя уже выстроилась очередь, мой маленький волк. Я пока держу оборону, блюду твою профессиональную невинность, но со следующего месяца в крейзи-меню ты значишься пер-

вым блюдом. А пока милым дамам придется ограничиться танго с Оборотнем. Так теперь будет называться твой сольный номер. И кстати, брюки тебе придется снимать. У нас здесь стриптиз-клуб, а не институт благородных девиц...

* * *

Селена была невезучей с самого рождения. Начать с того, что росла она без родителей. Вернее, родители у нее наверняка имелись, но Селена о них ничего не знала. Да и не хотела знать, если честно, потому что нормальные родители никогда в жизни не оставят своего грудного ребенка умирать от холода и голода на парковой скамейке, а ее вот оставили...

Как ей жилось в доме малютки, Селена не помнила, и стылая парковая скамейка, и чужие неласковые руки начисто выветрились у нее из головы, оставив лишь тень от воспоминаний. Она начала осознавать себя лишь годам к четырем. Примерно тогда же научилась реально оценивать свои шансы.

Шансов не было...

Селена была некрасива той особенной некрасивостью, которая заставляет окружающих сначала растерянно морщиться, а потом недоуменно пожимать плечами и отводить взгляд. Девочки, даже очень маленькие, хорошо разбираются в таких вещах. Наверное, это часть генетической программы. Селена оказалась не просто некрасива, она казалась на-

стоящей уродиной. Бледная кожа, блеклые, точно выцветшие волосы, нескладная фигура, тонкие, непомерно длинные руки и ноги. Из-за них она была похожа на водомерку – маленькую несчастную водомерку.

А еще глаза... Глаза у Селены были разноцветные: один изумрудно-зеленый, второй небесно-голубой. Каждый из них по отдельности смотрелся очень красиво, но вместе... Сколько Селена натерпелась из-за этих своих глаз! Сколько выслушала насмешек и унижительных комментариев! Но даже не уродливая внешность и разноцветные глаза являлись ее главной проблемой. Ее главной проблемой была луна. Именно луну она винила во всех своих бедах...

Необычное слово «сомнамбулизм» Селена впервые услышала в пять лет, когда детсадовский сторож Саныч обнаружил ее разгуливающей в одной ночной сорочке по карнизу второго этажа. Происшествие это вызвало настоящий переполох. Здание старое, еще дореволюционной постройки, карниз шириной в один кирпич, только кошке пробежать, а тут маленькая девочка. Одно неверное движение – и поминай как звали. Ей тогда повезло: Саныч не растерялся, позвонил директрисе, вызвал пожарных, «Скорую» и на всякий случай милицию. Так и не проснувшуюся Селену аккуратно сняли с карниза, вернули в спальню под присмотр насмерть перепуганной нянечки.

Но не успел забыться этот волнительный эпизод, как за ним последовал другой. По карнизам Селена больше не хо-

дила, потому что окно спальни предусмотрительно заколотили гвоздями, оставив для проветривания лишь узкую форточку. Просто одной особенно лунной ночью Селену, босую, одетую в пижаму, выловили на шоссе в километре от детского дома. Она брела по разделительной полосе, не обращая внимания на пролетающие мимо автомобили. Вот тогда-то девочка и стала лунной рецидивисткой, а у администрации детского дома появились новые причины для головной боли.

Уследить за ночными походами Селены было практически невозможно. Иногда о том, что ночью она где-то гуляла, узнавали лишь постфактум, по перепачканным в земле ногам или порванной ночнушке. Оставалось загадкой, как ей удастся, обходя все препоны, совершать свои вылазки. Селену пробовали привязывать за ногу к кровати, но всякий раз, каким бы сложным ни был узел, утром веревка оказывалась развязанной, а девочка не могла объяснить, где была ночью. Все это пахло мистикой и чертовщиной. Ее, еще совсем маленькую девочку, стали побаиваться и сторониться. Тем более что ночные прогулки совпадали с полнолунием. Тем более что звали ее Селеной.

Кто дал русской девочке такое экзотическое имя, уже не помнили, но о связи ее имени с луной знал каждый. Девочка по имени Луна превращается в зомби аккурат в полнолуние – жуть!

Войну мракобесию объявила директриса Эмма Яковлевна. Это именно она решила показать Селену психиатру. Кон-

сультация длилась долго, наверное, целый час, но никакой патологии врач не нашел. Нельзя же навешивать на ребенка ярлыки исключительно из-за его повышенной стеснительности и скрытности. Это скорее особенности характера, чем психическое отклонение. А сомнамбулизм... Ну, с кем не бывает?! Любой хоть однажды, да гулял во сне. Неприятно, конечно, но с возрастом это должно пройти...

Психиатр оказался прав: с возрастом это прошло. То ли Селена переросла свою болезнь, то ли помог-таки рецепт кастелянши, утверждавшей, что лунатика может остановить только мокрая тряпка, расстеленная на ночь у кровати. Года два Селена спала с этой самой мокрой тряпкой, пока наконец консилиум в составе директрисы, кастелянши, воспитательницы Ларисы Семеновны и медсестры не постановил, что пациентка совершенно здорова. Выздороветь Селена, может, и выздоровела, но позорное клеймо лунатички осталось с ней на всю жизнь и изрядно эту жизнь отравляло.

В неокрепших умах Селениных сверстников лунатизм считался едва ли не сумасшествием, и ей каждый день приходилось доказывать свою нормальность. Годам к четырнадцати она изрядно в этом поднаторела. Если в детстве, когда аргументов не хватало, в ход шли кулаки, то теперь Селене не было равных в словесных перепалках. Попасть к ней на язычок стало смерти подобно, таким он был острым. Ее не любили, ее сторонились и побаивались. У нее не имелось друзей среди сверстников. Кто же станет дружить с такой

уродиной и язвой?!

Селена не переживала. Вернее, переживала, конечно, но где-то очень глубоко в душе. Зачем друзья, когда в ее распоряжении вся детдомовская библиотека? Выдуманная чужая жизнь с успехом заменяла ее собственное серое и неинтересное существование. Еще можно было пофантазировать перед сном, представить себя красивой и популярной. Если фантазировать с душой, то персонажи из фантазий перемещались в сновидения, и ночь проходила не зря.

Ее размеренная, давно устоявшаяся жизнь изменилась не внезапно, но достаточно неожиданно. Селена твердо верила, что не нуждается в понимании и заступничестве, что со всем можно справиться самостоятельно, без посторонней помощи. Может быть, поэтому она оказалась не готова к обычному человеческому участию.

Это случилось летом. С легкой руки физрука Ивана Петровича, здорового добродушного дядьки, старшие воспитанники интерната отправились в поход, в самый настоящий поход, с палатками, спальниками и тушенкой «Завтрак туриста». Целых три часа они ехали на электричке, а потом вышли на затерянной в лесу станции. Приключение началось!

Многие из подростков никогда не были в настоящем лесу, большинство не знали, с какой стороны подходить к рюкзаку, но абсолютно все были уверены, что поход – это здорово. Оказалось, они ошибались. С непривычки все быстро устали, особенно девчонки. Но усталость – это только полбе-

ды. Кто бы мог подумать, что в лесу живет столько комаров! Огромных, голодных, гудящих над ухом, словно истребители! Через полчаса все, включая Ивана Петровича, уже чесались и размахивали руками, как ветряные мельницы. Только Селена чувствовала себя прекрасно – комары и мошки почему-то облетали ее стороной. Эту странную особенность заметила не только она.

– Селенка, ты чем-то намазалась втихаря? Что-то тебя комары не кусают, – спросил Иван Петрович.

Она пожала плечами, виновато улыбнулась, точно то, что ее не кусают комары, – это преступление.

– Зараза к заразе не липнет, – хихикнула Яна Васильева, признанная красавица класса.

Селена не стала спорить, лишь метнула в Васильеву раздраженный взгляд.

– Ой, мамочки! – Признанная красавица вдруг зацепилась за невесть откуда взявшийся корень, пронзительно взвизгнула и растянулась посреди тропинки.

– Упс, – сказала Селена и сунула в рот сорванную травинку. – Осторожнее надо, Яночка. Под ножки надо смотреть.

– У, ведьма! – прошипела Яна, отряхивая джинсы.

– Да, Васильева, это тебе лес, а не город, – назидательно сказал физрук. – Смотри под ноги, а то, не ровен час, сломаешь себе что-нибудь. Что потом с тобой делать?

Яна обиженно поджала губы, одарила Селену полным ненависти взглядом, сунула и без того почти пустой рюкзак

своему обожателю Ваське Прохорову и с гордо поднятой головой пошла дальше. Прохор прижал драгоценный Яночкин рюкзак к груди, многозначительно зыркнул на Селену, но связываться не рискнул.

Спустя три часа прогулки по лесу народ запросил пощады, и Иван Петрович объявил, наконец, привал. Юные туристы как подкошенные попадали в траву.

– Двадцать минут отдыхаем,правляемся и идем дальше, – совершенно бодрым голосом сообщил жестокосердный физрук. – И не ныть мне! Я в поход силой никого не тащил. Сами захотели.

Как показало время, двадцати минут оказалось достаточно, чтобы прийти в тонус. За это время девчонки успели не только отдохнуть, но и переложить на сильные плечи парней свою поклажу. Благо, парней оказалось в два раза больше, да и груз был не так чтобы очень тяжелым. Только Селена осталась со своим рюкзаком. Помощи ей никто не предложил, а самой напрашиваться – больно надо. В конце концов, она не кисейная барышня, как-нибудь справится...

К той злополучной речушке они вышли ближе к вечеру. Не речушке даже, а так – глубокому ручью. Воды в нем было по пояс. Такой вброд перейти – раз плюнуть. Народ решил купаться. Жара и комары порядком всех вымотали, самое время окунуться в прохладную воду. Парни в считанные секунды сбрасывали одежды, ринулись к ручью.

– Стоять! – заорал Иван Петрович. – Сначала я дно про-

верю, а потом уж вы полезете.

– Да какое тут дно?! Воды по колено! – проворчал Прохор, с ожесточением расчесывая искусанный комарами бок.

– Цыц, я сказал! – прикрикнул физрук, стаскивая футболку.

Минут пять он исследовал дно, а потом разрешил:

– Ладно, запрыгивайте, только не беситесь.

Не успел он договорить, как пацаны с воплями и гиканьем бросились в воду. Девочки не спешили, в нерешительности топтались на берегу.

– Ну, что же вы?! – заорал Прохор, по-щенячьи бестолково и радостно барахтаясь в ручье. – Вода – просто супер! Давайте! – Растопылив руки, он ринулся к берегу с явным намерением затащить кого-нибудь в воду, но девчонки с визгом бросились врассыпную.

Парень замер на берегу, спросил со смесью растерянности и гордости:

– Эй, я че... страшный такой?

– Прохор, у тебя пиявки на пузе! – Яна Васильева брезгливо поморщилась и отступила еще на шаг.

– Да ну?! – Он удивленно глянул на свой живот, где на уровне пупа извивались сразу две пиявки. Несколько секунд парень разглядывал мерзких тварей с видом биолога-любителя, а потом оторвал одну и швырнул в траву.

– Во блин! – сказал со смесью облегчения и восхищения, примеряясь ко второй пиявке.

– Ну-ка, ребята, выйдите из воды! – скомандовал Иван Петрович.

Оказалось, что пиявок в этой с виду безобидной речушке полным-полно. Парни быстро сориентировались и принялись пугать ими истошно визжащих девчонок. Минут пять на берегу творился настоящий тарарам, а потом физруку криками и угрозами наконец удалось уговорить подопечных.

Когда страсти поутихли и последняя пиявка была выброшена обратно в ручей, встал вопрос о том, как перебираться на другой берег. Девчонки заходить в воду отказывались наотрез, брезгливо фыркали, испуганно закатывали глаза. Выход из ситуации нашел Прохор.

– Не дрейфьте! – сказал он и подмигнул Яне Васильевой. – Мы вас на руках перенесем! Что нам, кабанам?! Подумаешь, пиявки!

– Замечательная идея, я буду первой! – Яна снисходительно улыбнулась Прохору, но направилась не к нему, а к стоящему поодаль Даниле Алексееву. – Ну? – спросила кокетливо. – Ты готов служить прекрасной даме?

Надо же – прекрасная дама! Селена едва удержалась от саркастической усмешки. Самомнения Васильевой было не занимать, ей бы еще ума...

Алексеев пожал плечами, не говоря ни слова, подхватил Яну на руки. Та обвела девчонок победным взглядом, означавшим только одно: Данила лишь бы кого на руках носить

не станет, только первых красавиц, а всякие там белобрысые уродины могут нервно курить в сторонке...

Воодушевленные примером, активизировались остальные ребята. Смущенно хихикающих девчонок расхватили как горячие пирожки. Больше всех повезло толстушке Оле Севрюк: ей досталось сразу два кавалера, потому что в одиночку с ней не справился бы даже Иван Петрович. Меньше всего повезло Селене. Вернее, ей не повезло вовсе. Желających перенести ее на другой берег не нашлось. Вообще-то, она и не ожидала увидеть очередь из галантных кавалеров, но хоть бы один...

Селена испуганно замерла на берегу речки, кишачей пиявками. Если бы в этой чертовой речке водились аллигаторы, она перешла бы ее не задумываясь. Но пиявки! Скользкие, противные кровососы... Справиться с этим невесть откуда взявшимся страхом никак не получалось. Девушка растерянно переступила с ноги на ногу, исподлобья посмотрела на боевых товарищей.

– Ну что же ты, Селенка?! Не дрейфь! Зараза к заразе не липнет! – С того берега слышались улюлюканье и смех.

«Стая, – зло подумала Селена, расшнуровывая кроссовки. – Жалкая, трусливая стая. Ничего, я вас поодиночке до стану...»

Она сознательно культивировала в себе злость. Может, так будет легче избавиться от ядовито-липкой смеси страха и отвращения, может, хоть так удастся войти в воду. У нее по-

лучится, у нее получалось и не такое. Подумаешь, какие-то пиявки! Мерзкие, скользкие кровососы...

– Обувь можешь не снимать, – послышалось вдруг над ухом.

Селена резко выпрямилась – Данила Алексеев, самый красивый парень детдома – да что там! – самый красивый парень города, смотрел на нее с доброжелательным интересом.

– Без обуви оно, знаешь ли, сподручнее, – огрызнулась она, еще не осознав, что он делает здесь, на этом берегу отверженных и брошенных.

– Я тебя перенесу.

– В смысле? – Впервые в жизни Селена растерялась. Она научилась огрызаться, защищаться и показывать зубы, но понятия не имела, как вести себя вот в таких, экстремальных ситуациях. Это же экстремальная ситуация... или и вовсе галлюцинация, потому что Данила Алексеев никогда раньше не обращал на нее внимания. Вполне вероятно, что он только сейчас узнал о ее существовании...

Медленно, очень медленно Селена завязала шнурки, исподлобья посмотрела на Алексеева, сказала хмуро:

– Я не боюсь пиявок!

– Ясное дело! Ты вообще ничего не боишься. – Он белозубо улыбнулся, подхватил с земли и перекинул через плечо ее рюкзак. – Давай, Селена, не заставляй коллектив ждать.

Ее никто и никогда не носил на руках. Мальчишки ее даже за руку брали только по приказу воспитательницы. Селе-

на перестала дышать. Кажется, она даже зажмурилась. Дура! Глупая дура! Данила ей что-то говорил, а она не услышала ни единого слова. Что же он ей говорил? Вдруг что-то важное?

Селена пришла в себя лишь когда ее аккуратно поставили на землю.

– Вот и все, – сказал Данила и дружески похлопал ее по плечу, точно она и не девушка вовсе, а так... какой-нибудь пацан.

– Спасибо, – Селене вдруг захотелось заглянуть ему в глаза. Если бы она осмелилась, то наверняка смогла бы прочесть его мысли, но она не осмелилась и так и не узнала, чем руководствовался Данила Алексеев, самый красивый парень детства, когда решил помочь уродине с разноцветными глазами Селене Савицкой. Робкое «спасибо» – вот единственное, на что она отважилась.

– Да не за что. – Он уже не смотрел в ее сторону, вытирал босые ноги о траву.

– Рюкзак, – прошептала она вместо того, чтобы сказать громко и требовательно.

– Что? – рассеянно переспросил он.

– Мой рюкзак у тебя.

– Ерунда! Он же совсем легкий!

Это означало только одно: Данила Алексеев не собирается отдавать ей рюкзак, а понесет его сам, как будто они... Дальше мысль никак не думалась, натыкалась на веское и неумолимое «этого не может быть», испуганно откатывалась

назад, поверженной падала к Селениным ногам. Но вот ведь ее пустые руки, вот ее рюкзак, переброшенный через его загорелое плечо...

– Браво, Алексеев! – Голос Яны звенел от раздражения. – Настоящий герой! Не бросил нашу Селенку в беде! Пожалел убогую!

– Ты что, Васильева? – Данила удивленно нахмурился.

– Яна, ну разве так можно?! – укоризненно покачал головой Иван Петрович. – Мы же тут одна семья.

Ну, про семью это он загнул. Селена уже давным-давно не питала иллюзий на этот счет. И в защитниках она не нуждалась. Что-что, а защищаться она умела очень хорошо. Если действовать быстро, можно проредить волосы этой гадине еще до того, как вмешаются остальные...

Раньше, до того, как Данила перенес ее «на тот берег», Селена так бы и поступила. Но то раньше... А сейчас получится, что она затеяла драку из-за парня. Нет уж! Она сунула сжатые кулаки в карманы джинсов, обвела внимательным взглядом притихших в предвкушении скандала ребят. Стая, настоящая стая... Ну да ей не привыкать!

При ее приближении Васильева попятилась.

– Чего тебе?! Чего уставилась?! – взвизгнула она.

– Да так, – Селена рассеянно улыбнулась, скользнула взглядом по идеальному Янинному лицу. – Я убогая, ты прекрасная.

– Дальше что?!

– У тебя красивая кожа. Такая нежная, бархатистая.

– И что?!

– Ничего.

– Не смотри на меня так! Слышишь?! Иван Петрович, скажите ей, чтобы не смотрела! – В голосе Васильевой билась и рвалась наружу истерика.

– Савицкая, отойди от нее! – велел физрук.

– Как скажете. – Селена легко, на носочках, развернулась, помахала Васильевой рукой.

– Ведьма! – послышалось вдогонку.

– Нежная и бархатистая, – повторила она, не оборачиваясь.

Больше к Селене никто не цеплялся. Только Васильева бросала в ее сторону задумчиво-неприятные взгляды. В ответ она улыбалась, шептала одними губами «нежная и бархатистая», и рука обидчицы непроизвольно тянулась к лицу.

Глупая курица! Верит в сглаз и прочую мистическую чепуху. Ну и пусть себе верит, может, теперь оставит ее в покое. А Селене нужно спокойно подумать, разобраться с тем, что творится в душе.

Что-то такое с ней произошло. И конфликт с Васильевой тут ни при чем. К конфликтам ей не привыкать, она вообще конфликтный человек. Тут что-то другое. И это «что-то» не дает ей дышать, заставляет сердце биться часто-часто, а руки дрожать мелкой дрожью. Это «что-то» похоже на болезнь, на

самое начало болезни, когда ты еще вроде бы здорова, но по едва уловимым признакам уже понимаешь – еще чуть-чуть, и сляжешь. Точно незримый вирус поселился в крови и бродит, ищет выхода. Станный вирус... Странная болезнь...

Селена так углубилась в самоанализ, что не заметила, как увлекательное приключение под названием «поход» подошло к концу. Отряд вернулся домой в пятницу вечером, а в ночь с субботы на воскресенье Селене устроили «темную». Она не могла видеть своих обидчиков, но каким-то шестым чувством знала каждого из них. Четыре девчонки и два парня. Впрочем, парни только держали. Били девчонки – жестоко, в полную силу...

Она потеряла сознание, не от боли даже, а из-за панического страха задохнуться под пыльным одеялом. Утром ее, избитую, в синяках и кровоподтеках, нашел дежурный воспитатель, а днем директриса учинила старшеклассникам допрос с пристрастием.

Никто не сознался. Селена тоже молчала: ничего не видела, ничего не слышала, ничего не помню. Ей не поверили, но в покое оставили. Чтобы наказать хоть кого-то, наказали дежурного воспитателя, за недосмотр. Васильева ходила с видом победительницы. Прохор при встрече с Селеной старательно отводил взгляд. Данила Алексеев улыбался ей вежливо-сочувственной улыбкой. А она зализывала раны и прислушивалась к творящимся в душе переменам.

Прошло уже несколько дней, и Селена внезапно поняла,

какой болезнью заболела. Поняла и испугалась. Ее болезнь обещала стать тяжелой и неизлечимой, она это чувствовала.

А потом начались перемены... Спустя неделю после учиненной над Селеной расправы первую красавицу Яну Васильеву сразил странный недуг: за одну ночь все ее тело обсыпало гноящимися, невыносимо зудящими язвами. Сначала решили, что это такая нетипичная форма ветрянки, за последний месяц уже добрая половина детдомовской малышни успела переболеть этой заразой. Васильеву с ног до головы перемазали зеленкой и отправили в изолятор. Время шло, а ветрянка не проходила. Не помогали ни зеленка, ни подключенные к лечению противовирусные препараты. Васильеву спешным порядком переправили в инфекционную больницу. Там спустя еще неделю обследований было решено, что причина странной болезни не в инфекции, а в аллергии. Противовирусные препараты заменили сначала на противоаллергические, а вскоре и на гормональные. Безрезультатно. Врачи беспомощно разводили руками. Пациентка билась в истерике и требовала, чтобы позвали Селену Савицкую.

* * *

Ехать в больницу к Васильевой не хотелось. Ну что она будет там делать?! Чем поможет этой глупой курице? И вообще, если на то пошло, почему она должна помогать своему

врагу? С какой стати?

– Селена, ты должна, это твой товарищеский долг! – Директриса Эмма Яковлевна была непреклонна.

– Нет у меня никаких долгов! Тем более перед этой...

– Селена!

– Что?!

– Васильевой очень плохо. Врачи переживают за ее психическое здоровье.

– Нашла проблему! Какие-то прыщи! – Селена презрительно фыркнула. – Устроила истерику из-за ветрянки!

– Это не ветрянка. Это что-то другое. – Эмма Яковлевна устало потерла глаза.

– Да? А я тут при чем?! Пусть с ней врачи разбираются!

– Она хочет видеть именно тебя.

– Прекрасно! Она хочет меня видеть, а кто-нибудь спросил, хочу ли я ее видеть?!

– Все, Савицкая, я тебя поняла. – Эмма Яковлевна резко встала из-за стола, отошла к окну. – Можешь быть свободна, ты никуда не едешь.

Она мучилась полдня, а потом решила. Если все считают, что от нее что-то зависит, так и быть.

Палата была одноместной. Синие стены, коричневый пол, забранное решеткой окошко, пылинки в солнечных лучах и удущливый запах гниющей плоти.

Васильева сидела на больничной койке, натянув на голову одеяло. Холмик старой ветоши, а не первая красавица.

– Привет. – Селена остановилась у окна, не решаясь подойти ближе.

– Ты пришла! – послышался из-под одеяла придушенный, совершенно незнакомый голос. – Спасибо!

– Ну, пришла...

– Помоги мне! – Холм из одеяла зашевелился, в недрах его, кажется, мелькнуло что-то белое, наверное, лицо. – Я знаю, ты можешь! Только ты и можешь.

– Я?! Как я тебе помогу? – Подоконник больно впился в поясницу, но отклеиться от него, отойти на пару шагов не было сил. Пара шагов от подоконника означала пару шагов к этому... существу.

– Помнишь, в походе ты говорила про мою кожу? Ты говорила, что она гладкая и бархатистая.

– Ну говорила. И что? Я пошутила...

– Пошутила? Ты пошутила?! Посмотри на меня!

Одеяло упало на пол, и Селена зажала рот рукой, чтобы не закричать. Лицо Яны Васильевой, первой красавицы класса, превратилось в страшную, сочащуюся гноем маску.

– Видишь, на кого я похожа?! Гладкая и бархатистая! – Она рассмеялась истеричным, полусумасшедшим смехом. – Гладкая и бархатистая, да?!

– Ты думаешь, это из-за меня? – шепотом спросила Селена.

Васильева перестала смеяться, медленно, по-старушечьи, сползла с кровати, тихо всхлипнула.

– Да, это ты. Ты меня прокляла.

– Я тебя не проклинала! Глупости какие!

– Ты сказала «чистая и бархатистая».

– Ну и что? Я просто хотела тебя напугать. Я не думала...

– Что это сработает и я превращусь в уродину?! – Яна вдруг рухнула на колени, схватила Селену за подол юбки, зашептала жалобно и требовательно одновременно: – Помоги мне... ну пожалуйста!

– Как?!

– Я не знаю. Это ты должна знать как! Это же твое... колдовство. Помоги мне, помоги мне, помоги... – Яна теребила подол ее юбки и тихо поскуливала.

Колдовство, проклятье... Бред какой-то! Не желала она этой дуре ничего такого. Ну, может быть, парочку прыщей... Это не колдовство. Это какая-то неизвестная науке болезнь. При чем тут она?

Яна перестала скулить, скрючилась на полу у ее ног. Надо что-то делать, нельзя же так... Селена присела на корточки, погладила Васильеву по спутанным волосам, сказала:

– Я тебя прощаю и забираю свое проклятье обратно.

– Эти язвы... они пройдут? – Яна подняла голову, с надеждой заглянула ей в глаза.

– Пройдут, и от них не останется никаких следов.

– Ты не обманешь?

– Я обещаю.

Что она могла обещать?! Она сама не верила в происхо-

дящее, но Васильева-то верила...

– Спасибо. – Яна всхлипнула, подобрала одеяло, снова укрылась им с головой.

– Не надо сидеть на полу, ложись. – Селена помогла ей подняться, довела до кровати.

– Спать хочу. – Голос Яны сделался слабым, точно и в самом деле сонным.

– Спи. Это хорошо.

– Это что-то значит?

– Да, это значит, что проклятье на тебя больше не действует.

– Селена, прости меня.

– Я тебя уже простила.

– Темная... это моих рук дело.

– Я в курсе.

– Мне жаль.

– Все в порядке.

– Простишь?

– Прощу.

– Спать хочу.

– Спи.

Через неделю Яну Васильеву выписали из больницы. От ее странной болезни не осталось и следа. Оказывается, самовнушение способно творить чудеса.

Девушки не стали враз закадычными подругами. Они по-прежнему старались, чтобы их пути не пересекались, но кон-

фронтация, выматывающая обеих, прекратилась. Даже причина, по которой все началось, почти забылась. Во всяком случае, Селена очень хотела ее забыть, исцелиться от собственной странной и, кажется, неизлечимой болезни под названием «любовь».

Данила Алексеев о ее страданиях ничего не знал. Он жил своей собственной мужской жизнью. К осени, с появлением в детдоме нового преподавателя и по совместительству тренера по карате, парень ожидаемо увлекся восточными единоборствами, а к зиме неожиданно переключился на информатику и программирование. Иногда он заговаривал с Селеной и всегда улыбался ей при встрече. Впрочем, точно так же, отстраненно-вежливо, Данила улыбался всем девочкам, и, наверное, посмотри он на какую-нибудь из них по-особенному, неизлечимая болезнь Селены стала бы смертельной...

* * *

Это случилось в самый канун Нового года. Когда Селене сказали, что в кабинете директора ее ждет родная тетка, она решила, что это глупый розыгрыш, и никуда не пошла. В свои почти полные шестнадцать девушка перестала верить в чудеса. Стылая скамейка в стылом парке... Она – никому не нужный найденыш. У нее нет родственников.

– Савицкая, это еще что за фокусы?! – Дверь комнаты с грохотом распахнулась, на пороге, тяжело дыша от быст-

рой ходьбы, стояла сама Эмма Яковлевна. – Тебя уже давно ждут!

– Кто ждет? – Селена сползла с кровати, сунула босые ноги в тапки.

– Тетушка твоя. Тебе не передали, что ли?

– Нет у меня никого: ни тетушек, ни дядюшек... – Как же ей хотелось поверить, до слез, до истерики, но она себе запретила. Стылая скамейка в стылом парке – вот о чем нужно думать, вот о чем никогда нельзя забывать.

– Выходит, есть. – Директриса окинула ее цепким взглядом, покачала головой в такт каким-то своим мыслям, а потом сказала с нарочитой строгостью: – Поторопись, Савицкая. Некогда мне. И волосы причеши, а то ходишь лахудра лахудрой...

Эмма Яковлевна, громкая, грубоватая, строгая иногда до деспотичности, проявила неожиданную деликатность, стоило только Селене переступить порог директорского кабинета.

– Вот, я ее привела, – сказала она зычным басом и подтолкнула воспитанницу к сидящей спиной к двери женщине. – Оставляю вас наедине. Думаю, вам есть о чем поговорить.

Селена не успела опомниться, как дверь за Эммой Яковлевой захлопнулась, отрезая последний путь к отступлению.

– Здравствуй, девочка.

Она была красива необычной, даже какой-то пугающей красотой. Седые волосы, уложенные в замысловатую причёску. Лишенное возраста аристократическое лицо. Взгляд угольно-черных глаз пристально-внимательный и одновременно какой-то расфокусированный. Его невозможно выдержать, этот странный взгляд...

– Вы кто? – спросила Селена, игнорируя приветствие. Спросила нарочито грубо, чтобы за грубостью скрыть то зябкое, никогда раньше не испытанное чувство, которое под взглядом незнакомки рождалось где-то в животе.

Женщина понимающе улыбнулась, сплела униженные перстнями пальцы на набалдашнике изящной трости. Зачем ей трость?..

– Меня зовут Элеонора. Я твоя тетя.

Вот так просто – здравствуйте, я ваша тетя! И где она была все эти годы – тетя?!

– У меня никого нет!

– Теперь есть. Я старшая сестра твоей матери.

– Матери у меня тоже нет.

– Да, ты права, матери у тебя нет. Она умерла вскоре после твоего рождения.

– Я тоже чуть не умерла вскоре после своего рождения.

– Не суди ее строго, девочка. Твоя мама была очень больна. Подойди-ка поближе. – Незнакомка, назвавшаяся ее тетей, вытянула вперед правую руку, точно пыталась нащарить что-то в пространстве перед собой.

Вместо того чтобы подойти, Селена попятилась. Только сейчас она поняла, что женщина слепа. Вот откуда этот странный взгляд, вот зачем ей трость...

– Ну же! – В голосе Элеоноры слышалось нетерпение, но не злое и раздраженное, а то особенное, которое идет рука об руку с ожиданием чуда. – Я хочу посмотреть на тебя.

Как она, слепая, может на нее посмотреть?.. Зачем на нее вообще смотреть? Шестнадцать лет не смотрели...

Захотелось уйти. Вот прямо сейчас развернуться и тихонько, на цыпочках, выйти из директорского кабинета. Селена даже сделала шаг к двери, но в самый последний момент остановилась. Родная тетя... ее тетя...

...Длинные пальцы, унизанные диковинными перстнями, нежно пробежались по ее лицу, задержались на скулах, губах, подбородке. Девушке не были неприятны эти прикосновения. В них даже сквозило что-то ласкающее, успокаивающее.

– Такая же, как она, – сказала наконец Элеонора. – Моя лунная девочка.

– Почему лунная девочка? – Оттаявший было желудок снова сковало холодом.

– Тебя тоже зовет луна? – Женщина прикрыла слепые глаза, сложила руки на набалдашнике трости. Вызывающе алый лак удивительным образом гармонировал с кроваво-красной помадой, не опошлял, а добавлял шарма и благородства. Даже странно.

– Не зовет меня никакая луна! – буркнула Селена, уже в открытую, без опаски, рассматривая незрячее лицо женщины.

Элеонора ничего не сказала, только уголки алых губ чуть дрогнули в намеке на улыбку.

– Почему она умерла? – неожиданно для себя спросила Селена.

– Это очень долгая и очень грустная история, девочка.

– У меня есть время.

Элеонора улыбнулась, теперь уже по-настоящему, широко и открыто. Ее лишенное возраста лицо вдруг стало молодым-молодым.

– Здесь неподалеку есть кафе. Проводишь меня туда?

Наверное, было бы разумным отказаться, стряхнуть это болезненное очарование, уйти прочь, но вместо этого Селена сказала:

– Да, я провожу.

– Ты любишь кофе? – спросила Элеонора, когда официант проводил их к уединенно стоящему столику.

– Не знаю, – Селена пожала плечами. – Может, лучше чай?

– Можно и чай.

Пока Элеонора делала заказ, Селена исподтишка изучала интерьер кафе: маленькие столики, застеленные до хруста накрахмаленными скатертями, удобные стулья, тихая музыка, официанты. А она-то думала, что в кафе не бывает официантов.

– Я закурю, не возражаешь? – Элеонора положила на стол портсигар.

Селена не возражала. Ей просто казалось удивительным, что можно так вот запросто курить в общественном месте, да еще в таком респектабельном. В детдоме тоже курили: посудомойки, нянечки, кастелянша, даже кое-кто из воспитателей, но все прятались по углам и подсобкам, опасаясь крутого нрава Эммы Яковлевны.

Элеонора достала из портсигара сигарету, щелкнула зажигалкой, глубоко и с удовольствием затянулась. Селена принюхалась – дым пах как-то по-особенному, очень приятно.

Принесли заказ: чай для Селены, кофе для Элеоноры, тарелочки с пирожными, коробку шоколадных конфет.

– Угощайся, девочка, – Элеонора приглашающе взмахнула рукой, на тонком запястье тихо звякнули браслеты.

Селене казалось, что браслеты – это как-то по-цыгански, вульгарно и вызывающе, но на руке Элеоноры они выглядели более чем уместно. Она взяла конфету, аккуратно развернула золотистую обертку, обвела зал испуганным взглядом, точно находилась здесь на птичьих правах, а не на совершенно законных основаниях. А вдруг так оно и есть? Что она вообще знает о сидящей напротив женщине, как может ей доверять? Элеонора, словно почувствовав ее взгляд, ободряюще улыбнулась и снова стала молодой-молодой. А может, она и в самом деле была молодой, а это странное ощущение застывшего возраста из-за седых волос?

Конфета была очень вкусной: сладость молочного шоколада, горечь миндаля. На мгновение Селена забыла, что она уже взрослая шестнадцатилетняя девушка, что ей не пристало, как маленькой, радоваться сладостям. Она даже забыла, какой разговор ее ждет...

– Я тоже люблю шоколад, – напомнила о себе Элеонора.

Селена поперхнулась, торопливо запила миндальную горечь обжигаяще горячим чаем. Что это с ней?! Купилась на какие-то дурацкие конфеты! Перед ней сидит женщина, называющая себя ее тетей, собирающаяся рассказать ей о маме...

– Почему она меня бросила? – Слова сами сорвались с губ. У них тоже был горький вкус.

Очень долго Элеонора не реагировала на вопрос: молча курила и пила кофе.

– Думаю, ты имеешь право знать, – сказала она наконец и загасила сигарету. – Твоя мама была хорошей девочкой, очень доброй, очень чуткой. Ей исполнилось семнадцать, когда это случилось.

– Что случилось?

– Ты ходишь по ночам? – неожиданно спросила Элеонора и уставилась на девушку своими невидящими глазами.

Селена побледнела, мотнула головой, словно Элеонора могла видеть этот отчаянный жест.

– Сейчас уже нет. В детстве ходила.

– И твоя мама ходила. Я звала ее лунной девочкой. – Сле-

пая грустно улыбнулась. – Эта ее особенность никому не доставляла хлопот. Мы жили на первом этаже, на окнах стояли решетки, так что случайно покалечиться во сне она не могла.

– Как ее звали?

– Вита. Твою маму звали Вита. – Элеонора помолчала, а когда заговорила, голос ее упал до едва различимого шепота – В том, что случилось, была и моя вина. Я забыла запереть на ночь дверь, и Вита ушла. Ее нашли утром на пустыре недалеко от нашего дома. Она была вся в крови, в разорванной ночной сорочке. – Элеонора прикрыла глаза, точно собираясь с мыслями. – Ее изнасиловали. Мы писали заявление в милицию, но тех подонков так и не нашли. Люди во всем обвиняли Виту, говорили, что она сама спровоцировала преступников. Твоя мама была открытой, светлой девочкой, но после того, что с ней произошло, она изменилась: бросила институт, перестала общаться с друзьями, не принимала помощь даже от меня, родной сестры, целыми днями сидела, запершись, в своей комнате. Когда я узнала, что Вита беременна, было уже поздно. Прости, девочка, но она ненавидела тебя с того самого момента, когда узнала о своей беременности.

Селена вцепилась в край крахмальной скатерти, вкус шоколада исчез, во рту осталась только горечь. Это страшно – вот так, одним махом, потерять и прошлое, и будущее, и веру в людей. Неспроста, выходит, она такая уродина... Наказание за чужие грехи...

– Я знаю, это трудно, но попробуй понять свою мать. –
Руку девушки накрыла прохладная ладонь Элеоноры.

– Она мне не мать, – отчеканила Селена.

– Она не могла думать о тебе как о своем ребенке. Она думала о тебе как о ребенке одного из тех подонков.

– А я виновата, да?! В том, что мой отец один из тех подонков? Как можно ненавидеть маленького ребенка за грехи, совершенные кем-то другим?! – Селена выдернула свою руку, с яростью посмотрела в угольно-черные глаза.

– Ты еще слишком молода, – Элеонора грустно улыбнулась. – Тебе еще многое предстоит узнать.

– Не хочу я больше ничего знать! – Она порывисто встала. – Все, я ухожу...

– Твоя мать покончила с собой, бросилась с моста в реку, – сказала Элеонора, глядя в пространство перед собой. – Она загубила свою бессмертную душу. Мне кажется, это достаточное наказание. Сядь, девочка, мы еще не договорили.

Селена послушно опустилась на стул. Было во взгляде Элеоноры что-то такое... гипнотическое.

– Зачем вы ко мне приехали? – спросила она.

– Я хочу забрать тебя из детдома.

– Зачем?

– Ты моя племянница, моя родная кровь.

– Во мне еще есть кровь того ублюдка.

– Очень мало.

– Но она есть!

– Это ничего не значит.

– Для кого?

– Для меня.

– А для меня значит. Мне теперь нужно будет с этим жить.

– Ты научишься.

– Да уж, никуда не денусь.

– Я оформлю опеку, если ты не будешь возражать.

– А почему вы не сделали этого раньше? Почему вспомнили обо мне только сейчас? – Вот она и задала второй мучавший ее вопрос. Осталось дожидаться ответа...

– Я считала, что тебя тоже нет в живых. На мосту нашли детское одеяльце. Все решили, что Вита забрала тебя с собой. – Элеонора закурила новую сигарету.

– Нет, она не забрала меня с собой. Она бросила меня на скамейке в парке умирать от голода и холода.

– Но ты же не умерла.

– Только чудом.

– Чудеса в нашей жизни не случайны.

– Это было первое и последнее чудо в моей жизни. – Елена невесело усмехнулась.

– Как знать? Возможно, у тебя еще все впереди, – задумчиво сказала Элеонора.

– А когда вы узнали, что я жива?

– Пять лет назад.

– И что помешало вам забрать меня сразу?

– Вот это. – Собеседница провела ладонью по своим неви-

дящим глазам. – Я попала в аварию. На то, чтобы восстановиться, ушло много времени. На то, чтобы собрать все необходимые для оформления опекуна документы, времени понадобилось еще больше. Никто не хотел отдавать сироту под опеку инвалида.

– А сейчас?

– Сейчас все формальности улажены. Дело за тобой. – Элеонора подалась вперед. – Ты согласна жить со мной?

Селена задумалась. Случись все это пять лет назад, она бы не раздумывала ни секунды, а сейчас... Сейчас в ее жизни появился Данила, ее невидимая постороннему глазу неизлечимая болезнь. Сейчас уйти из детдома означало расстаться с ним навсегда. Нет, «расстаться навсегда» слишком громко сказано. Они ведь никогда не встречались. Ей придется расстаться не с человеком, а с мечтой о нем. И как она будет жить?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.